

ISSN 2075-9908 (PRINT)
ISSN 2219-6048 (ONLINE)

2023

Том 15 3

Историческая

и социально-образовательная мысль

HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATIONAL IDEAS

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 15 № 3 2023

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Н. Ф. Бугай

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 15 # 3 2023

Editor-in-Chief:

N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

Deputy Editor-in-Chief -

Scientific Editor:
T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

***Editor for the
English Version:***

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-Educational
Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-
Sector Academy of Vocational
Training and Upgrading and
Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region
College for the Humanities and
Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- Отечественная история;
- Всеобщая история;
- История международных отношений и внешней политики;
- Социальная структура, социальные институты и процессы;
- Социология культуры, духовной жизни;
- Общая педагогика, история педагогики и образования;
- Теория и методика обучения и воспитания;
- Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- Russian History;
- World History;
- History of International Relations and Foreign Policy;
- Structure, Social Institutions and Processes;
- Sociology of Culture, Spiritual Life;
- General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- Theory and Methods of Training and Education;
- Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва, Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович – заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар, Россия

Редакционная коллегия

Состав редакционной коллегии по историческим наукам

Ващук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток, Россия

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Харбин, Китай

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург, Россия

Сактаганова Зауреж Галимжановна – доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Караганда, Республика Казахстан.

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

ORCID iD: 0000-0001-8458-2447

Scopus Author ID: 53868717600

Ереван, Армения

Верещагина Анна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

ORCID iD: 0000-0003-0045-7468

Scopus Author ID: 56584492400

Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)

ORCID iD: 0000-0002-2909-9513

Тамбов, Россия

Догнал Йосеф — доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)

ORCID iD: 0000-0002-0763-5784

ScopusID: 55542765600

Брно, Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич — доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0002-9844-1802

ScopusID: 57147373800

Краснодар, Россия

Попов Михаил Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Института экономики, бизнеса и управления Краснодарского государственного технологического университета, главный редактор научных журналов: «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Государство и общество в исследованиях гуманитарных наук», Почетный сотрудник МВД России, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани.

Краснодар, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
Сан-Франциско, США

Шишкина Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

Блейх Надежда Оскаровна – заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания
ORCID iD: 0000-0002-6715-9185
Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Таганрог, Россия

Дыбовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, почетный профессор Осацкого университета, В 2019-2022 годах - приглашенный научный сотрудник кафедры сравнительного изучения языков и культур аспирантуры Осацкого университета (Школа языка и культуры); доцент Дальневосточного федерального университета (кафедра японоведения).
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Токио, Япония – г. Владивосток, Россия

Чекалева Надежда Викторовна – член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, «Омский государственный педагогический университет», директор института инновационного и инклюзивного образования Омск, Россия

Эдита Поорова, доктор – (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID id: 0000-0001-9877-1118
Трнава, Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638
Scopus Author ID: 55481483000
Moscow, Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov – Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar, Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
Vladivostok, Russia

Ma Weiyun – Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council
ORCID ID: 0000-0002-0769-7766
Harbin, China

Sergei A. Nefedov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Yekaterinburg, Russia

Zauresh G. Saktaganova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Karaganda, Republic of Kazakhstan.

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

ORCID iD: 0000-0001-8458-2447

Scopus Author ID: 53868717600

Yerevan, Armenia

Anna V. Vereshchagina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

ORCID iD: 0000-0003-0045-7468

Scopus Author ID: 56584492400

Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Guzenina – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)

ORCID iD: 0000-0002-2909-9513

Tambov, Russia

Josef Dohnal – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);

Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University

ORCID iD: 0000-0002-0763-5784

ScopusID: 55542765600

Brno, Czech Republic

Valery Kasyanov – Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar, Russia

Popov Mikhail Yurievich – Doctor of Sociology. Professor, Department of Sociology, Institute of Economics, Business and Management, Krasnodar State Technological University, Editor-in-Chief of scientific journals: «Humanities, Socio-Economic and Social Sciences», «State and Society in Humanities Studies», honored worker of Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored employee of the internal Affairs of Kuban.
Krasnodar, Russia

Marina V. Sukhomlinova – Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco, USA

Olga E. Shishkina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nadezhda Os. Blaikh – Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog, Russia

Alexander S. Dybovsky – Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2022, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School; Assistant Professor at the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Tokyo, Japan – Vladivostok, Russia

Nadejda V. Chekaleva – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education
Omsk, Russia

Edita Poorova – Ph.D. (*Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.)*), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID: 0000-0001 - 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович – академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва, Россия

Икэда Ёсиро – доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио, Япония

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону, Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток, Россия

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия Россия

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Байрактар Расим – доктор социологии, профессор, кафедра социологии религии. Факультет теологии. Гиресунский университет.

<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>

Гиресун, Турция

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна – доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

ScopusID: 8870184100

Тель-Ави, Израиль

Гомулка Кристина – доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет

ORCID iD: 0000-0002-7046-0729

Гданьск. Польша

Латипова Нодира Мухтаржановна – профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана

Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович – доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,

ORCID iD: 0000-0001-7441-989X

Владивосток, Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна – доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"

Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,

ORCID iD: 0000-0003-1325-9452

Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0003-0705-7985

ScopusID: 56530681200

Краснодар, Россия

Грушевский Сергей Павлович – доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет

ORCID iD 0000-0002-7263-4673

Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна – член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самар, Россия

Спалбер Диана – доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель,

Link Campus University в Риме

ORCID iD: 0000-0001-7395-986X

Scopus Author ID: 57194034492

Генуя, Италия

Чепель Татьяна Леонидовна – действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

ScopusID: 57191886265

Новосибирск, Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Yoshiro Ikeda – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Tokyo, Japan

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Pre-sidential Academy of National Economy and Public Administration
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don, Russia

Victor L. Larin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ScopusID: 57192267254
Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Rasim Bayraktar – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology of Religion, Faculty of Theology, Giresun University
ORCID iD: 0000-0002-7576-8183
Giresun, Turkey

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky – Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv, Israel

Krystyna Gomolka – Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk. Poland

Nodira M. Latipova – Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work.
Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov – nal Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok, Russia

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek, Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova – Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID:56530681200
Krasnodar, Russia

Sergey P. Grushevsky – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0002-7263-4673
Krasnodar, Russia

Oksana K. Pozdnyakova – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara, Russia.

Diana Spulber – Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus ID: 57194034492
Genoa, Italy

Tatyana L. Chepel – Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
Scopus ID: 57191886265
Novosibirsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>Отечественная история</i>		<i>National History</i>
Бугай Н.Ф. г. Москва, Россия Азербайджан: прошлое уступает место настоящему (советский и постсоветский периоды)	16	N.F. Bugai Moscow, Russia Azerbaijan: the past gives place to the pre- sent (the soviet and postsoviet periods)
Иванцов И.Г. г. Краснодар, Россия Материалы контрольного дела М.А. Алек- сандрова в производстве партколлегии комиссии партийного контроля при красно- дарском крайкоме ВКП(б) 1944-1946 гг.	58	I.G. Ivantsov Krasnodar, Russia Materials of the control case of M.A. Ale- xandrov in the production of the party board of the party control commission at the Kras- nodar regional committee of the CPSU(b) 1944–1946
Лобанова И.В. г. Москва, Россия Проблемы развития церковно-исторической науки России в условиях атеистического Советского гос- ударства	69	I.V. Lobanova Moscow, Russia Problems of development of church historical science of Russia under the conditions of the atheistic Soviet state
Чжин Сил Москва, Росси / г. Чон-Чжу, Южная Корея Проблема миграции этнических мень- шинств Дальнего Востока (1920 – 1930-е годы) в зарубежной историографии	88	Jin Sil Russia Moscow / Jeongju City, South Korea The problem of migration of ethnic minori- ties of the Far East (1920-1930s) in foreign historiography
<i>Редакторская статья</i>		<i>Editorial article</i>
Наша библиотека, новые публикации и переводы	109	Our Library, New Publications and Translations
<i>ИНФОРМАЦИЯ</i>		<i>INFORMATION</i>
Заимствования, плагиат, ретракция	110	Borrowings, plagiarism, retraining
Информация для авторов	113	Informations pour les auteurs

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-16-57

УДК: 947

**АЗЕРБАЙДЖАН: ПРОШЛОЕ УСТУПАЕТ МЕСТО НАСТОЯЩЕМУ
(СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)**

Бугай Николай Федорович,

Институт российской истории Российской академии наук

ORCID ID: [http:// orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)

e-mail: nikolay401@yandex.ru

Аннотация. Сегодня в Российской Федерации проживают 193 этнических сообщества. Страна определяется как многонациональная государственность, в которой каждая этническая общность имеет свою интересную и содержательную историю, которая еще далеко не изучена. И все бывшие советские республики также можно причислить к многонациональным. В каждом многонациональном сообществе повседневная жизнь народов строится на таких важных принципах, как консенсус, дружба, доверие, взаимопонимание, консолидация, консоциальность и др.

Учитывая оживление внимания со стороны общества, в первую очередь молодежи, к исторической науке, целесообразно обратиться к сложным вопросам истории титульных народов и этнических меньшинств. Особый интерес вызывает период Великой Отечественной войны, как время, когда одновременно наблюдалось проявление как позитивных, так и негативных факторов со стороны этнических сообществ, в первую очередь в решении задач по защите Отечества.

В условиях противостояния России и государств Западной Европы во главе с США, навязывающих открытую войну России, важно знать и помнить уроки прошлого. Их знание и память о них особенно актуальны в условиях тех реалий, которые приходится испытывать в новом измерении каждому из государств. Как раз эти уроки и рассматриваются в статье на примере республик Закавказья (Азербайджанская ССР). Это помогает уточнить не только их

природу, социальные корни, но и показать социальные технологии и проявление на практике этой пагубной политики по отношению к населению своей страны, раскрыть ее специфику.

Эти составляющие выявлены применительно к многонациональному Азербайджану: количественные характеристики самого процесса принудительных переселений, положение репрессированных народов, особенности реализации механизмов, применяемых в условиях переселения, разработка форм выхода из создавшейся сложной ситуации в государствах Закавказья, конкретно в Азербайджанской Республике.

Ключевые слова: национальная политика, принудительное переселение, Азербайджанская ССР, Казахстан, Киргизия, право, трудовая занятость

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Азербайджан: прошлое уступает место настоящему (советский и постсоветский периоды) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 3. С. 16-57...

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-16-57

Original article

AZERBAIJAN: THE PAST GIVES PLACE TO THE PRESENT (THE SOVIET AND POSTSOVIET PERIODS)

Nikolay F. BUGAI

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Orcid ID: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Abstract. In the modern conditions of the Russian Federation, 193 ethnic communities live. The country is defined as a multinational statehood, in which each ethnic community has its own interesting and meaningful history, which is far from being studied. And all the former Soviet republics can also be classified as multinational. In every multinational community the everyday life of peoples is built on vital principles – consensus, friendship, trust, mutual understanding, consolidation, consociality and others. In the context of a revival of attention on the part of societies and, first of all, young people to historical science, it is advisable to turn to complex issues of the history of titular peoples and ethnic minorities. Of particular interest is the period of the Great

Patriotic War, a time when both positive factors on the part of ethnic communities and a negative side were simultaneously observed, primarily in solving problems of protecting the Fatherland.

In the context of the confrontation between Russia and the states of Western Europe, led by the United States, which are imposing an open war on Russia, it is important to know and remember the lessons of the past. Their knowledge and memory of them are especially relevant in the conditions of the realities that each of the states has to experience in a new dimension. Just these lessons are considered in the article on the example of the republics of Transcaucasia (Azerbaijan SSR).

All this helps to clarify not only their nature, social roots, but also to show social technologies and the manifestation in practice of this harmful policy in relation to the population of their country, to reveal its specifics.

These components are identified in relation to multinational Azerbaijan: the quantitative characteristics of the process of forced resettlement, the situation of the repressed peoples, the features of the implementation of the mechanisms used in the conditions of resettlement, the development of ways out of the difficult situation in the states of the Caucasus, specifically the Republic of Azerbaijan.

Keywords: national policy, forced relocation, Azerbaijan SSR, Kazakhstan, Kyrgyzstan, law, labor employment

For citation: Bugai N.F. Azerbaijan: the past gives place to the present (the soviet and postsoviet periods). Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 3. P. . 16-57.. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-16-57

Введение. В мае 2023 г. состоялась интересная встреча с советником Посольства Азербайджанской Республики в Российской Федерации Ибоевым Джавидом Рашид оглы, в ходе которой обсуждались вопросы национальной политики в государствах, отдельные эпизоды в истории отношений России и Азербайджана как в прошлом, так и в современных условиях. Была затронута тема о судьбах этнических меньшинств в Республике Азербайджан, которым, как и многим этническим общностям России, пришлось преодолеть немалые трудности в своем развитии. Встреча послужила автору настоящей статьи основой для обращения к этой сложной проблеме применительно к народам Азербайджанской Республики.

В советской и российской историографии проблема принудительных переселений накануне и непосредственно в годы Великой Отечественной войны в аспекте Азербайджанской ССР представлена недостаточно. Во многих случаях об этом факте только упоминается. Хотя в отношении таких этнических меньшинств, как советские немцы, турки-месхетинцы, курды, подготовлены и опубликованы специальные исследования. В реальности создается впечатление, что эти процессы мало отмечались на территории республики. В данном случае было бы целесообразным напомнить в публикации тех авторов, которые посвятили свои исследования судьбе этнических меньшинств на территории республики. Надо полагать, что подобная публикация явится существенным дополнением в разработке истории народов.

Несомненно, эти процессы напрямую затрагивали государственные образования Закавказья. Поэтому неслучайно, что события, связанные с войной, в одинаковой мере касались и Грузинской, и Армянской республик. Правда, в каждом случае имела своя специфика. Так, например, выселение с территории Грузии осуществлялось в тот период по просьбе руководителей Грузинской ССР. Применительно к Азербайджанской и Армянской республикам механизм принудительных переселений разрабатывался в центре, в НКВД СССР, и выселение вершилось под непосредственным руководством лидеров этого института власти.

Методы. Для Республики Азербайджан характерен многонациональный фактор. С ее территории принудительным порядком выселялись советские немцы, курды, азербайджанцы, турки, армяне, дашнаки, иранцы, поляки, представители этнических общностей Северного Кавказа и Крыма, чеченцы, ингуши, крымские татары. Эта мера распространялась в ту пору и на молодежь, обучавшуюся в вузах республик Закавказья. Все предписания были выполнены, как отмечается в источниках, строго по формуле «не утаивая ни одного».

Наличие фактора многонациональности вызывает необходимость многообразия различных глубоких исследований при обязательной ссылке на архивные документы и материалы. В качестве методов исторического исследования применялись такие как историко-системный, информационный, репрезентативный. События, излагаемые в статье, связаны с принудительным переселением этнических общностей с территории Азербайджана. Подобные меры имели свою специфику. Так, например, отдельные группы (иранцы) в Азербайджанской ССР не выселялись, а депортировались. Одним словом, были применены одновременно механизмы и депортации, и принудительного переселения в масштабе Азербайджанской ССР.

Источники, литература. Ответ на этот вопрос требует глубокого анализа опубликованных по проблеме трудов как учеными центральных научных учреждений (В.Н. Земсков, П.Н. Полян, И. Пыхалов, Н.Ф. Бугай и др.), так и ученых соседних государств, в том числе Азербайджанской ССР (Дж. Гансалы, Н.А. Ибрагимов, С.В. Мошкин и др.). Конечно, привлекает исследование С.В. Мошкина «Забытая депортация» (Свободная мысль. 2009. № 9). В итоге сформировалась и источниковая научная база для дальнейших исследований проблемы. За последние годы изданы многочисленные сборники документов, в которых в общих чертах даются оценки проводимого принудительного переселения граждан, при этом с охватом всех регионов страны, применительно ко многим этническим общностям, испытавшим на себе горечь проводимых мер по отношению к народам.

Авторы, изучающие эту проблему в современных условиях, могут пользоваться опубликованными документами, в том числе по немцам Азербайджанской Республики, курдам-месхетинцам, чеченцам, иранцам и другим репрессированным этническим общностям.

Позднее итоги этих акций были представлены в Обращении курдов к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину. По их данным, из Армении и Азербайджана было изгнано 20 тыс. курдов-мусульман вместе с азербайджанцами. 3 тыс. граждан – вместе с турками были изгнаны из Узбекистана.

Азербайджан принял своих азербайджанцев по ходатайству Турции – более 100 тыс. человек. Они были приняты и размещены в Азербайджане. Более того, они все получили – жилье, пособия, статус беженца, обеспечены жильем [ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 736. Л. 3 – 5].

По этому вопросу ценным источником остаются и материалы проходивших съездов общества месхетинских турок «Ватан». В частности, в Резолюции 1-го съезда, проходившего 21 января 1992 г., по этой проблеме констатировалась: «Поручить обществу «Ватан» от имени съезда вступить в Анкарский договор между 6-ю мусульманскими государствами (Турция, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан и Азербайджан) и просить их непосредственного участия в судьбе турок-месхетинцев.

Результаты. На основе использования комплекса источников в публикации представлен ряд этнических общностей, которые испытали на себе итоги деструктивного вмешательства в жизнь этнических меньшинств со стороны государственных органов власти, применивших своего рода карательные меры, опираясь на существовавшие в НКВД СССР, НКВД Азербайджанской ССР, других государственных образованиях социальные технологии с отработанной системой механизмов осуществления такой формы «наказания народов», как их принудительное переселение, причинившее огромные неудобства в жизни предста-

вителей этнических общностей. В форме справочного, а также более подробно, нарративного изложения событий, связанных с жизнью этнических меньшинств, которые привлекались к этим мерам, выявлены места расселения как высланных азербайджанцев, так и представителей других этнических общностей, подвергшихся в этот сложный период такому воздействию.

Автором рассмотрены эти вопросы с соблюдением хронологии самих событий, с учетом оценок принимаемых мер Правительством Азербайджана. По заявлению лидера национального движения турок-месхетинцев, «в Азербайджане созданы самые приемлемые условия для проживания. В одинаковых условиях находятся и те группы азербайджанцев, которые подверглись репрессиям со стороны сталинского режима, начиная с 1940-х годов.

Фактически акции были, за некоторым исключением, однотипными. А итогом их оставалось пагубное воздействие на граждан, их семей, детей. В местах расселения многим из азербайджанцев приходилось как адаптироваться, так и интегрироваться в местный социум. С начальным этапом было связано преодоление ощутимых трудностей, прежде всего с обустройством жилищных условий, нехваткой продовольствия. Землянка становилась центром сосредоточия для проживания спецпереселенцев.

Ситуация изменилась лишь во второй половине 1950-х годов.

Обсуждение. У Российской Федерации в современных условиях 18 государств-соседей. Подобной обстановки не имеет ни одно государство в мире. Одно из таких государств – Республика Азербайджан – расположено в Закавказье. В условиях социализма Союз ССР оставался органичным государством, объединявшим 16 союзных республик, устраивавших свою жизнь на общей территории, имевших единое пространство, единую, нормативно-правовую базу, единый Основной закон государства – Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, в которой получали отражение основополагающие принципы строительства государства с 1922 г. и в основе которой была заложена единая система формирования этой многонациональной государственности.

Союз ССР базировался также на единых принципах: консенсус, широкая демократия, равноправие, фактор многонациональности в каждой из составляющих частей, консолидации, консоциальности, взаимодействия, доверия, взаимопонимания, учета многообразия разного рода вероисповеданий: христианство, ислам, буддизм, иудаизм и сотни различных религиозных направлений.

Характерной для государств оставалась деятельность целой системы общественных объединений, при этом заметно политизированных, нацеленных прежде всего на укрепление стабилизации в многонациональных сообществах в республиках, совершенствование принципов нациестроительства на разных этапах существования республик, решение задач, стоявших перед сообществами.

Вряд ли можно было все это в одночасье растерять. Историческая память позволяет воскресить многие страницы истории, и эта сторона жизни народов требует ответа на вопросы современности.

В нынешних условиях бывшие советские республики пребывают, естественно, в новом измерении. Развивается система экономики, культур народов, как титульных, так и этнических меньшинств. Одни государства продвинулись вперед в своем развитии, другие накапливают свой капитал, чтобы успешно и конструктивно использовать его с целью создания условий для обеспечения безопасности своих государств и их содружества, регионов, республик и семей, улучшения жизни проживающих на их территориях народов.

С ответом на многие вопросы читатель может ознакомиться в публикациях, приуроченных к 100-летию Союза ССР, на страницах журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» (2022 г. и др.). Редакция журнала определила эту дату как главное событие года, в качестве центральной темы в публикациях [2; 3; 5; 6; 10; 11; 13; 18; 26; 27]. В статьях названных авторов анализируются различные стороны жизни многонациональных государств, демонстрируются как успехи, так и недостатки. Особое внимание уделено консолидирующему фактору народов, в основном содействующему созданию условий для поддержания мира, показана роль политических партий, общественных объединений, отмечены трудности становления отдельных союзных республик как самостоятельных государств.

Особого признания заслуживают дальневосточные исследователи [14, с.17-34], которые отследили эти публикации и представили глубокий обобщающий анализ статей ученых, их вклад в научную разработку проблемы строительства союзной государственности, выделив все то, что содействовало дальнейшему развитию государств, улучшению современного положения многонациональных сообществ, возможности применения полезного опыта, в первую очередь в решении задач процесса ритомсации (защиты) своего государства, сохранности на их территориях мира, стабильности и сплоченности граждан многонациональных сообществ.

В предлагаемом исследовании автор обращается к Азербайджанской Республике с ее сильной эконмической системой, тесными международными связями, сопредельными успехами по другим направлениям экономического развития (нефтяная промышленность, рыболовство, машиностроение и прочие отрасли промышленного производства).

Республика Азербайджан в содружестве других народов, населявших Советский Союз, строила свою экономику, развивала духовный потенциал азербайджанской нации и тех, кто вместе проживал на территории Азербайджана, оставаясь приверженцем идей мира и дружбы.

Конечно, и на территории Азербайджана протекал процесс обогащения историографии советского периода и современной (последнее 30-летие) азербайджанской историографии. Появились различные новые направления, содействовало этому и рассекречивание многих архивных документов как в Российской Федерации, так и Республике Азербайджан. Выявлена направленность многих социальных процессов в бывшем союзном государстве, наблюдался и возврат ко многим национальным традициям, совершенствование форм и методов культуры межэтнических отношений, укрепление связей с государствами-соседями, в том числе с Российской Федерацией. Именно об этом свидетельствуют условия развития торговых отношений, которых отличает тенденция к расширению. Республика Азербайджан остается многонациональной по составу населения, который органичен и мало поддается изменениям. На территории республики известны регионы компактного проживания русских, немцев, армян, грузин, турок-месхетинцев, талышей, лезгин, представителей других этнических меньшинств из соседней многонациональной Республики Дагестан.

В настоящей статье привлечены выявленные архивные документы, касающиеся различных сторон жизни республики, и в мирных, и в военных условиях. Народы Азербайджана (азербайджанцы, курды, армяне и др.) – активные участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Таблица 1

Среди удостоенных высшей степени отличия в годы войны представители 62 этнических общностей, населявших СССР, в том числе:

№	Этнические общности	Общее кол-во	№	Этнические общности	Общее кол-во
1	русские	8182	30	абхазы	5
2	украинцы	2072	31	аварцы	5
3	белорусы	311	32	буряты	5
4	татары	161	33	дунгане	4
5	евреи	108	34	лезгины	4
6	казахи	96	35	немцы	4
7	грузины	91	36	французы	4
8	армяне	90	37	чеченцы	3
9	узбеки	69	38	якуты	3
10	мордвины	61	39	алтайцы	2
11	чуваши	44	40	болгары	2
12	азербайджанцы	43	41	греки	2
13	башкиры	39	42	карачаевцы	2
14	осетины	32	43	кумыки	2

Источник: Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

Source: Book of Memory. 1941–1945. Review volume. Moscow, 1995. With the blessing of the Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II.

Орденами и медалями были награждены воины более 100 национальностей, в том числе: 6,2 млн русских, более 2,7 млн украинцев, более 311 тыс. белорусов, около 175 тыс. татар, 96,6 тыс. казахов, 80 тыс. узбеков, 66,6 тыс. армян, 53,5 тыс. чувашей, 57,3 тыс. мордвин, более 49 тыс. грузин, *более 36 тыс. азербайджанцев*, 29,9 тыс. башкир, около 15 тыс. туркмен, около 14 тыс. таджиков, более 13 тыс. коми, 12,7 тыс. осетин, 11,5 тыс. эстонцев, 11,5 тыс. латышей, 7,9 тыс. карел, более 6 тыс. литовцев, более 6 тыс. бурят.

Среди спецпоселенцев были награждены: 14 960 советских немцев, 2120 крымских татар, 14 960 калмыков, 4455 чеченцев, 1869 ингушей, 631 карачаевец, 413 турок-месхетинцев, 142 балкарца. [ГА РФ. Ф.–Р.9479. Оп.1. Д.896. Л.67; Ф.–Р.9401. Оп.2. Д.68. Л.3–54].

Почетным считалось награждение орденом Богдана Хмельницкого¹ [23]. Им были удостоены более 8 тыс. представителей разных национальностей:

I ст. – более 300 чел., II ст. – более 200 чел., III ст. – более 5,5 тыс. человек; 1076 – воинских частей и воинских соединений [23].

Многим этническим общностям республики совместно с другими народами, в первую очередь народами Кавказа, пришлось пережить сложные процессы военного времени. Особенно трудным было время для этнических меньшинств республики. Азербайджан во время войны длительное время оставался центром сосредоточения миграции. Республика принимала многие группы людей, ухивших от линии фронта в южные районы Союза ССР. Вклад Азербайджана в победу над фашистской Германией неоценим. Республика проявляла особую активность и в восстановлении экономики страны.

¹ Орден Богдана Хмельницкого – советский военный орден времен Великой Отечественной войны. Орден учреждён Указом Президиума ВС СССР от 10.10.1943 г. «Об учреждении ордена Богдана Хмельницкого I, II и III степени».

Орденом Богдана Хмельницкого I-й степени награждали командующих фронтами, армиями, флотами, флотилиями, командиров партизанских соединений, а также их заместителей. Основанием для награждения служили успешные операции, проведенные под их командованием вверенными им войсковыми подразделениями или партизанскими соединениями, в результате которых врагу был нанесен серьезный урон в технике и живой силе.

Знак второй степени вручался командирам, имеющим в своем подчинении корпус, дивизии, бригады, полки, а также командирам партизанских отрядов за умелую организацию и проведение боевой операции, в ходе которой была прорвана оборонительная полоса врага, успешно форсирован водный рубеж, разгромлен вражеский гарнизон либо нарушены линии связи и коммуникации противника.

Орден Богдана Хмельницкого третьей степени вручали рядовым бойцам Красной Армии, Флота, партизанских отрядов, а также младшему командному составу (сержанты, старшины) и младшим офицерам за мужество, упорство и проявленную личную инициативу при выполнении поставленных командованием боевых задач, с нанесением врагу серьезного урона и срыву его боевых операций.

В связи с этим остаются примечательными документы, свидетельствующие о названных событиях и мерах по реализации государственной национальной политики. Обретают особую ценность Постановление Государственного комитета Обороны (ГКО) «О переселении немцев из Грузии, Азербайджана и Армянской ССР» (8 октября 1942 г.), Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» (8 января 1945 г.), Постановление Совета министров СССР (Совмин СССР) «Об обеспечении «Постановления Политбюро ЦК «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, проживающих на Черноморском побережья и в Закавказье» № П68/127 (4 сентября 1949 г.), Постановление Совмина СССР «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также Побережья Черного моря» № 2214-856 «совершенно секретно» (29 мая 1949 г.), Приложение к «Постановлению Президиума Верховного Совета «О порядке применения в отношении граждан СССР – турок, курдов, хемшинов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г., статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета от октября 1957 г. о переселенцах из Закавказья граждан турецкой и курдской национальностей, хемшинов и азербайджанцев, ранее проживавших в Грузинской ССР». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1974 г. № 5333–VIII и другие. В документе констатировалось, что они укоренились на территории Узбекской ССР, Казахской ССР и других союзных республик, пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются в состав советских, партийных и профсоюзных органов. Многие из них за успехи в труде награждались орденами и медалями, имеют почетные звания [24, с. 796-797].

При этом рекомендовалось также «предложить Советам Министров союзных республик, где проживают ... указанные граждане, и впредь оказывать им помощь в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их интересов, а также особенностей деятельности органов власти» [РГАНИ. Ф.3. Оп.5. Д.179. Л.98–104].

Каким образом развивалась дальнейшая обстановка по формированию нормативно-правовой базы переселенцев? Следует отметить, по состоянию на начало апреля 1949 г., на учете органов МВД СССР состояло 2 307 410 граждан (с членами семей) [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 179. Л. 98 – 104]. Нормативно-правовая база по-прежнему оставалась проблемной, и особенно в плане регламентации отношений между спецпереселенцами и органами государственной власти, курировавших это направление.

Каким образом развивалась в дальнейшем обстановка? По состоянию на начало апреля 1949 г., на учете органов МВД СССР состояло 2 307 410 граждан (с членами семей) [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 179. Л. 98 – 104].

В оценке этого периода важную ценность представляет подготовленные аналитические записки по многим этническим общностям, находившихся на спецпоселении, их положении, заведующим правовым отделом ЦК КПСС А. Павловым «О решении проблем корейцев, греков, курдов» (3 августа 1989 г.) и других [24, с. 827, 796 – 797].

Именно в этом документе прозвучала информация о рекомендации ЦК Компартии Азербайджанской ССР «продолжения изучения возможности создания национальных районов для курдов». Это было сделано в ответ на просьбу представителей курдов поставить вопрос о более полном удовлетворении национально-культурных запросов курдского населения, о создании национально-государственного образования.

Следует отметить, что по каждому из контингентов принимались целенаправленные нормативно-правовые акты для осуществления той или иной операции, связанной с принудительным переселением. Применительно к Азербайджанской ССР это немцы, греки, курды, иранцы, а также чеченцы, балкарцы, представители народов Крымской АССР и других этнических общностей.

Азербайджанцы

Историческая память – так можно кратко назвать воспоминания самих азербайджанцев, в которых они повествуют о тяжелых временах, связанных с принудительным переселением в определенные места для последующего проживания.

Баширов Гахрамон Дамат-оглы, азербайджанец, 69 лет. Был депортирован из Азербайджана (село Махмудала) в 1942 г. Проживает в Казахстане (город Алматы) [16, с. 7-9].

Вопрос: Каким образом затронула депортация вас и вашу семью, непосредственно ваших родителей или ваших дедов?

Непосредственно наше семейство?

Это, получается, родителей?

Родителей и дядю моего, родного брата отца, вернее, братишку. Его баем считали, раскулачивание пошло, основная депортация была в 1937 году. Дядю моего выслали в 1937 году за то, что у него и у нас было по 20 буйволов, по 20 коров, по 15–18 лошадей, около 50 баранов. Дело дяди завершилось в Кокчетаве решением о раскулачивании, и его выслали. Высылали всех, по доносам, друг на друга доносили. Были свидетели – три человека и все. ... Донос сводился к тому,

будто отец утверждал, что «правительство за Гитлером идет». Во время войны появился донос, подготовленный односельчанами. Ну и, в общем, 18 месяцев отца по этим КПЗ, МПЗ. А потом сказали ладно. Никто другой не писал.

Вторая депортация, когда нас переселяли (в семье было 9 детей, в том числе 5 братьев, 4 сестры. Это был 1942 год. А потом уже десятого ребенка мама родила в Зайсане. Место примечательное: там горная местность, позволяющая заниматься животноводством, зерноводством. Там в 1944 г. у меня родилась сестренка. После того моя мама стала единственной, первой женщиной Джамбульской области, получившей звание и орден «Мать-героиня». Потом мать родила еще одного ребенка – последний братишка (1950 год). У нас вообще-то было 6 братьев и 6 сестер. Первая сестра, самая старшая, умерла на Кавказе. Из братьев же один погиб в 1956 году, но уже в Казахстане. Здесь же умерла старшая сестра в 32 года. 16 марта уехал в Баку, а к началу 1980-х брат умер. В семье нас осталось: четыре на четыре. Время идет.

Вы помните, когда были эти события, дата, место высылки, контингент как назывался?

У нас репрессии применялись, начиная с 1937 года. Однако раньше тоже репрессировали, начиная с 1935 года. Основная масса репрессий, коснувшихся азербайджанцев, приходится на 1937 год, ближе к 1940 году, к войне, когда первыми репрессировались и поляки, и евреи, а потом уже в 1944 году – ингуши, чеченцы. Как неблагонадежных, нас выселяли в 1943–1944 годах. Нашу семью ... именно после того, когда моего дядю выслали, отец был под следствием 18 месяцев. Затем из отца выжимали признание, заставляли подписать заявление: ты подпиши все, что там правильно написано. На что он отвечал: «Почему я это должен подписывать, если это не так? У меня 9 детей, я своим государством доволен, у меня все нормально, я получаю какие-то пособия. Зачем я буду?» – Нет, подпиши. Попугали его: раз не подписываешь – придем, расстреляем вас. «Ну, расстреляйте...»

Осень, конец ноября... Они приехали 25 ноября 1942 года с таким трудом, мучением. Из района добрались до Баку. 25 ноября мы сели на паром, нас привезли до Красноводска, Туркменский район (Туркмения), оттуда уже на товарный поезд, Транссибирская магистраль, в общем, Азиатская дорога, Угловая станция через Чу проходит (Казахстан, Джамбульская область). По переписке нас выселили через пять лет, адрес был у дяди – Джамбульская область Чуйский район, станция Чу, колхоз «Новый путь».

Из Красноводска мы сели на паром, пароходов мало было. Приехали мы 25 декабря в Казахстан. Знали, что это такое: холод, зима... самый разгар зимы.

Далее, 25 декабря «товарняком», на товарном поезде, за один месяц мы доехали до станции Чу Чуйского района Джамбульской области. Месяц мы – 9 детей – добирались в одном вагончике, там еще люди были. Тогда в колхозе «Новый путь» сеяли два вида технических культур: хлопок, сахарную свеклу. Сахарную свеклу (машин-то не было) на лошадях, на бричках, запряженных волами, привозили в Чу, потом она отправлялась на сахарный завод. И вот мы приехали на свекловичную базу, где приемный пункт. Уговорили, чтобы троих нас и 9 детей, мать с отцом (одной брички мало было) доставили в Чу. До колхоза «Новый путь» расстояние составляло 16 километров.

А когда вы приехали в «Новый путь», жители по национальности кто были?

Получается, что кроме вас были чеченцы, ингуши, поляки.

Евреи.

Евреи?

Многие были, в общем, всех национальностей, ну, евреи. Понятно почему: оттуда их вытаскивали, чтоб не расстреляли. Поляков, как говорил Лев Качиньский, их, как неблагонадежных, тоже Сталин сюда отправил, в Казахстан. Со Смоленской области – многих расстреляли. Про чеченов и ингушей говорили, что они встали на сторону Гитлера. Сейчас в стране все уже другое говорят.

А интересно, вот когда вас депортировали, условия депортации вам определили?

Абсолютно.

Когда выслали туда и там уже решили?

Езжайте в Казахстан. Казахстан считался ссылкой, суровые климатические условия, далек от цивилизации. Казахстан считался ссылкой, как раньше для россиян была ссылка Сибирь. Во время войны Казахстан стал ссылкой для репрессированных, думали, что здесь все умрут. Но благодаря человеческой натуре и уживчивости, гостеприимству казахского народа, умирали в основном только в дороге. В основном в 1937 году умирали по дороге, когда ехать месяц, 40 дней. А уже когда приехали на место, мало умирали.

Благодаря, действительно, гостеприимству казахского народа, его человечности они достойно встретили переселенцев. Там были в основном *азербайджанцы*, а потом, когда мы приехали, – чеченцы, ингуши, карачаевцы. Карачаевцев много было, поляков много. Я поляков никогда не забуду в Зайсане. Зайсан – это простор, куда выгоняют на лето скот.

Пастбище?

Пастбище. Сеяли зерно, косили траву, держали скот. Птицеферма была, никогда не забуду. Просо, пшеница, ячмень – все это сеяли мы, ну. Точнее, не я, взрослые. И скотоводством занимались.

А вот отношение у коменданта и у местной администрации какое было?

Отношение Сталина... (я уже забыл даже инициалы, Анна Николаевна, допустим, помню, потому что моя первая учительница). Он относился по-человечески, он понимал, что война кончилась, люди были репрессированы несправедливо – это он понимал, и относился, честно говоря, по-человечески ко всем.

А побег были, интересно? Были такие, которые бежали с места?

Побег? Нет, не слышал. Но были, которые уехали после комендатуры в 56-м году. Уехали, потом обратно вернулись. Там у них не получилось, потом обратно вернулись, таких несколько семей было.

А как работали?

Работали в колхозе. Мы три года были на Зайсане, потом вернулись в «Новый путь». В «Новом пути», в основном, были сахарная свекла, зерноводство, животноводство, хлопок был и конопля была. Не эта конопля, а для веревки, которую делают. Ближе к 50-м годам все это убрали, потому что холода, оно не успевало поспевать. Остались пшеница, ячмень, овес, сахарная свекла и животноводство – вот это вот осталось.

А вот школа, вы рассказывали, что учились? Все вместе или отдельно?

Нет, все вместе. Со мной учились и чеченцы, и немцы, и ингуши, и балкарцы, и карачайцы, казахи – все мы в одной школе были. До 1957 года у нас не было средней школы, были семилетки, они были в других районах. Мой брат, который умер в Баку недавно, он окончил в с. Мойынкум, Джамбульская область, десятилетку. В Ленинской было – раньше Ворошиловкой называлась, потом пресса сделала Ленинской – тоже была десятилетняя школа. А в «Новом пути» уже в 1957 году появилась десятилетка.

А какими складывались отношения с местными детьми?

Очень хорошо, дружно жили! Никаких претензий, никаких...

Ваши родственники остались там? в Азербайджане? во время депортации? Можно было письма писать?

Да, да, писали. Там остались тети, дяди, двоюродных там много. И сейчас там есть. Мой брат поехал туда учиться, выучился. Когда через Ворошилова добился, забрал, а потом уже в 1964 году мой покойный отец, покойная мама поехали на Кавказ. Приехали туда, с ним уехали туда. Потому что я уже учился, они в 1964-м уехали, а я в 1961-м поступил в КазГУ, был студентом 4-го курса, когда они уехали. Поехал отец, мать, сестренка (которая родилась в Зайсане), братишка, который в «Новом пути» родился – они вчетвером уехали в 64-м году в свое село. Нас уже реабилитировали. Они поехали туда, отец скончался в 70-м году там, на Кавказе, у себя в доме, на родине, в своем селе, и мать тоже там. Мать умерла почти в 90 лет. Отец мало прожил, 72 года. По материнской линии все долгожители, мать прожила почти 90 лет. Братишка женился. Сестренка вышла замуж. Братишка женился, один брат переехал туда, в Баку, женился. Сейчас у нас остался один брат, потом переехал туда, живет, можно сказать, в одном дворе, рядом, по соседству – там же хутора. Двор большой у нас, около 80 соток, около гектара. Вот здесь пополам разделил, брат построил дом, они в одном дворе. Остальные остались здесь. Я в Алматы остался. Старший брат в «Новом пути», как жил, так и живет, еще две сестры в «Новом пути» замуж вышли, там и живут. Одна сестра переехала из Чу в Бишкек. И сестренка одна на Кавказе, в Баку, живет. Братишка последний в деревне живет, у отца дома. На Кавказе у меня находится два брата и сестренка, еще один брат был, он умер недавно. А остальные находятся здесь.

В 40-х годах кто был? Не помните?

Это были казахи Черманов, потом Ибеев.

Как они руководили?

Золотые люди были! К тому же очень простые были.

Осведомители или стукачи были?

Ну, во-первых, была комендатура – это и есть осведомитель, он все докладывал району и области. Во-вторых, через руководство совхоза они докладывали, как люди ведут себя, как они работают, говорят ли что-нибудь.

А среди населения не было?

Среди населения нет, только один конфликт был в 1949 году с азербайджанцами и чеченцами из-за женщины. Азербайджанец украл чеченку, война началась в Чу, а потом они сели в 5-6 грузовых машин и приехали в «Новый путь». А в «Новом пути» все азербайджанцы вышли с палками. Никогда не забуду: перед моими глазами участковый милиционер, казах, он стрелял пистоле-

том вверх, чтобы остановить. Били, резали, лопатами, ножами. Тогда много погибших не было, но очень много чеченцев пострадало.

А в результате что?

Она оставалась с ним, четверо детей у них.

Выжить что помогло в таких условиях?

Выжить помог труд, все трудились добросовестно, все нации собрались: русские, поляки, чеченцы, ингуши, татары, казахи, карачайцы, балкарцы. Все нации вместе учились. Со мной в одном классе карачаец учился, лет на 10 старше нас был, сидел со мной за одной партой. Жили дружно, хорошо. Тяжело было в том, что рано вставали, потом приходили на поле, целый день на поле, на жаре. Семья большая была, всех надо было накормить.

Все благодаря труду?

Да, никакой дотации не было, все благодаря труду.

Ну, так все-таки насчет депортации, мнение ваше?

Депортация – непростительная ошибка властей и руководства нашего региона. Я понимаю, депортация депортации рознь, но в таких условиях, на верную гибель посылать людей, зимой, раздетых, еще дети... Нас 9 человек было детей и мать с отцом. Холод, месяц в пути, сейчас сутки не можешь выдержать, а тогда целый месяц! Ничего не имея, ни газа. Это нечеловеческое отношение к людям, условия, как в концлагере каком-то немецком... Я понимаю, если везут заключенных. Даже сейчас, когда везут заключенных в поезде, где есть решетки, у него есть горячий обед, в туалет есть куда сходить, месяц-полтора, у него срок же идет. А у нас 11 человек, из теплых районов, где средне-январская температура +5-7, приехали в самый разгар зимы, приехали в Чу. Разве это простительно?

Заманов Эйвас Фейзуллаевич, азербайджанец, 57 лет. Его родители были депортированы из Азербайджана в 1937 году. Проживает в Казахстане (Жамбылская область, Кордайский район, село Кордай) [16, с. 10-22].

Уважаемый Эйвас Фейзуллаевич!

Ассамблея народов Казахстана и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ проводит международное исследование с целью сохранения исторической памяти, связанной с процессом насильственного переселения различных народов в Казахстан в 1930–1950-е годы.

Каким образом затронуло принудительное переселение вас или вашу семью: в данном случае непосредственно вас или ваших родителей, или ваших дедов, бабушек?

Я знаю это по рассказам родителей. Мои родители, будучи школьниками, были [переселены] сюда в 1937 году. Пункт назначения – Чимкентская область, Созакский район... Там жили в основном казахские семьи. Приезжие вселились в бараки, их было много. Они были разделены по местным семьям. Потом они сами как-то устраивались.

Если честно, в то время многие умерли от холода и голода. Моя бабушка и родители всегда мне напоминали, что мы остались живы благодаря казахам. Они поделились всем тем, что у них было в хозяйстве, хотя и они испытывали нехватку продовольствия. Бабушка прибыла в пункт назначения с пятью детьми. Моя мать была самой старшей среди них. Они прожили довольно сложную жизнь. Часть детей забрали в интернат, потому что было трудно женщине одной кормить семью. Дети воспитывались в разных интернатах, разбросанных по всей территории Чимкентской области, некоторые из детей потерялись.

Потом родители переехали в Чуйский район, и тут уже родился и я. Моя бабушка встретила со своим последним ребенком только в 1967 г., спустя 30 лет. Я хорошо помню эту встречу. Оказывается, ее удочерил старик. Он был казахом, секретарем или председателем сельского совета. Эту должность он занимал в Тулкюбасе. У него не было своих детей. Потом у него родились 16 детей.

Удочеренную дочь выдал замуж за казаха, Малдыбека. В 1967 году мы во время одной поездки поездом в вагоне и стали расспрашивать. Потом тот, кто ее увидел, пришел к нам. Увидели молодую женщину, похожую на бабушку. Путем расспроса оказались в Бурное (совхоз «Жанаталап»), там сестра проживала. У нее был муж, шестеро детей. Вот так мы нашли ее, спустя 30 лет. Ну, их сейчас уже нет в живых, но с детьми мы общаемся.

Скажите, пожалуйста, откуда ваши родители были депортированы?

Мои родители были принудительно переселены из г. Нахичевань, где родился нынешний президент Азербайджана Алиев.

А причины переселения были известны?

Переселение началось где-то в середине 1920-х годов. Первыми переселялись люди, у которых были материальные блага. Потом ученые, одним словом, весь цвет нации. Последний эшелон азербайджанцев прибыл в 1938 году в Кордайский район. Они были простыми людьми. Их принудительно переселяли за то, что они были подданными Ирана, то есть у них были иранские паспорта.

По словам вашей мамы, каким образом осуществлялась перевозка спецпереселенцев, формировался эшелон?

По словам родителей, тех, которых переселяли в 1937 году, их привлекали к переселению еще в 1932–1935 годах. У них тогда отобрали скот, земли, их самих же посадили в тюрьмы, в итоге погрузили в отправляемые эшелоны. Им сказали, что их будут топить в Каспии, и чтобы с собой не взяли ничего...

А в какой район Казахстана именно они прибыли? Как назывался населенный пункт, куда их доставили?

Чимкентская область, Созакский район. Там была степь. А потом уже их перевезли в Шолаккорган.

А много семей туда вывезли?

Да, очень много. Был полный эшелон. Не вагонами, а эшелонами возили. Примерно половина из переселенцев погибла по пути следования... Они добились до пункта назначения больше месяца.

А как вас приняли местные жители? Как вас встретили?

Вы знаете, бабушка и родители с самого детства внушали нам, чтобы мы уважали казахов. Потому что они, несмотря на то что самим нечего было есть, приняли нас, поделились всем, до последнего хлеба.

Вы хотели бы вернуться на родину?

Казахи – народ был гостеприимный, доброжелательный. Именно поэтому многие азербайджанцы остались здесь. У них есть много общего с казахами. Допустим, если я ездил в Азербайджан, страна чудесная, города там красивые, в Баку живут наши [азербайджанцы. – *Авт.*], страна считается одной из перспективных среди СНГ. Тем не менее ментальность, отношение – они нам чужды, не наши. Мы там уже не можем интегрироваться, мы привыкли жить среди казахов. Те русские, которые вернулись на родину, жалеют. В прошлом году приезжал один из наших коллег из Германии, мы его хорошо встретили, сфотографировались, просили его рассказать, как мы живем весело и дружно в Казахстане. Несмотря на смену экономических формаций, Казахстан остался таким, как был – доброжелательным и дружным...

Магермова Кубра Ахметовна, азербайджанка, 76 лет. Была депортирована с Кавказа (Нахичиванская область) в 1937 году. Проживает в Казахстане (Алматинская область, г. Талдыкорган).

Я, Магермова Кубра Ахметовна, 1934 года рождения, родилась в Нахичеванской области, в селе Янкиджа. В семье нас было шестеро детей: 4 девочки, 2 мальчика. В 1937 году наша семья была депортирована в Казахстан.

Откуда?

С Нахичевани.

Когда?

В 1937 году...

А в каком месяце?

Осенью, наверное, это было. Везли в поезде, людей не предупредив заранее.

Как это было?

Всех сгребали всем скопом и грузили, как скотину. Как родители рассказывали, везли в общем вагоне, там не было никаких удобств. По дороге всякое было, люди умирали, даже не было времени их похоронить. Голодные, холодные, по всей видимости, это и была зима к осени, потому что было холодно.

А одежду собрали?

Кто что успел – схватил. Были люди, у которых даже не было вещей. Ни вещей, ни еды. Кто сумел, старался своих детей выкормить. Вообще, это был ужасный перевоз людей. Сюда когда приехали, приехали в Уштобе. Поначалу там, а потом началось расселение. Наша семья попала в село Кировск, Светло-совхоз, первое отделение.

Каждому выделили землянки, кто сам себе эти землянки сооружал. И началась жизнь на новом месте. Топили соломой, даже, бывало, лебеду ели, ели то, что могли, что попадалось под руку. Те, кто не боится работы, и привыкли зарабатывать своим трудом, старались как-то получше жить, больше работали. Побольше участия в совхозе принимали, не то что мои родители. Будучи маленькими, мы уже работали в поселке.

У меня был брат старший (он уже ушел в мир иной), мы с ним всю тяжесть семьи переложили на себя. Наша задача была принести в дом какое-то пропитание. Мы с ним ходили колоски собирали, когда поле уберут, чтобы мать могла лишний хлеб приготовить, потом продать этот хлеб на базаре, купить что-то другое, потому что то, что выдавали, невозможно было есть. Когда мы приехали сюда, трое нас было, затем еще трое здесь родились. Нас трое сюда приехало, брат – Казымбеков Ага Ахметович, сестра – Казымбекова Сура Ахметовна и я – Казымбекова Кубра Ахметовна. Будучи на Кавказе, делились, как раньше. Мой отец был беком, его так и называли – Ахмет-бек. Мать была трудяга: и вы-

шивала, и вязала, до последних дней своей жизни старалась руками заработать. У нее ни одно яблоко, упавшее с дерева, не пропадет.

А жили как? Свой частный дом был?

На Кавказе? На Кавказе свой дом был, участок земли, все до сих пор есть, я в прошлом году ездила. И домик этот стоит, и сад: гранаты, орехи. Когда на это все смотришь, вспоминаешь свое детство, что когда-то ты там бегал, а сейчас все это далеко от тебя.

А сейчас там кто-то живет?

Ну, родственники рядом, садом они пользуются. Отец умер, мать здесь умерла. Отец там умер, наверное, где-то в 1950-х он уехал туда, а мама осталась тут. Здесь все получили образование, мы со старшим братом старались помогать маме. Выучили всех, все закончили институты. У всех сейчас свои семьи.

А здесь конкретно где вы жили?

Первое отделение в селе Кировск, а сейчас называется Акшатаган. Этот поселок переименовали. Жили дружно.

А дом сами делали? Или вам его предоставили?

Нет-нет, сами делали землянку. Все репрессированные жили в землянках. Потом, когда мой муж приехал в 1958 году, вообще он был мастер – золотые руки, закончил он в Баку техникум кройки и шитья, с другом они приехали, устроились в совхозе.

Мы тогда жили еще в землянке, у нас не было своего дома, с 1937 до 1958 года мы проживали в этой землянке. Поехали два молодых парня искать свою судьбу, у моего мужа с первым браком не получилось, жена умерла, дети умерли. А моя свекровь жила напротив дома бывшей невестки, и она сказала сыну, что его здесь не воспримут, что ему надо уехать. И вот мой муж попал сюда. Когда он устроился в совхозе работать, они делали с другом саман. Им дали квартиру, до сих пор этот дом стоит. За два месяца он заработал деньги. Он давал уроки кройки и шитья там же, в поселке.

Потом его домкомом назначили. Уже за два-три месяца работы он мог взять меня в жены. Сыграли свадьбу. Получили тогда уже не землянку, а квартиру от совхоза. У меня была подруга репрессирована, Валя Рамзаева, она тоже жила у нас в поселке. С детства мы с ней до сих пор дружим, она уже уехала в Россию. Мы одноклассники, я думаю, она тоже была репрессирована. Она в прошлом году приезжала ко мне, говорила, что помнит: чтобы вкусно покушать, она приходила ко мне.

Потому что у вас много народу было?

Нет, потому что люди, которые привыкли трудом зарабатывать и ценить каждую свою копейку, у них всегда все будет. А тот, который через пальцы все пропускает, у него ничего не будет. Недаром говорят, а у вас, у турков, но туркам даром не дается. Просто так даром никому ничто не дается, все с трудом дается, поэтому, как нас родители научили с детства ценить...

А вообще жили вместе с казахами дружно?

Очень дружно, у нас друзья – казахи. У моего супруга даже среди наших таких верных друзей нету, как среди казахов. И когда он умер, был у него друг Акылжанов, он работал директором Жетылжалского завода. Когда у моего мужа случился пожар на работе, он первый пришел, казах, протянул руку и сказал: «Жабраил, я тебе помогу!». У казахов есть обычай – каждый год на зиму делать согым. У них такая дружба была, что он не только себе, но и моему супругу делал: резал лошадь, быка, баранов и делали себе колбасы. С магазина не брали, боялись, что свинина добавлена. Они отдельно заказывали. И когда супруг умер, как раз другу его сделали операцию на сердце. Он приехал уже к холодному телу и взял в кабинете портрет. Так плакал, говорил: «Почему ты меня оставил?». Ровно годовщину он своему другу отметил и тоже умер через месяц. Дружба у них такая была, что мои дети его почитали как отца. Теперь эта дружба осталась между детьми нашими [16, с. 24].

Каждое из этнических меньшинств Азербайджанской ССР имело свою героическую, сложную и интересную историю. Об этом свидетельствуют приведенные воспоминания азербайджанцев, как и представителей других этнических общностей, переживших репрессии со стороны правительства.

Придавая особое внимание тем из меньшинств, кто подпадал под репрессивные воздействия, следует отметить курдов, проживавших на территории Азербайджана. Неслучайно курды в системе межэтнических отношений были выделены территориально в самостоятельный уезд. И уже в 1924 г. курды оказывали самостоятельную помощь и поддерживали коллективы рабочих Баку [28, с. 2].

Такой шаг в Азербайджанской Республике встретил понимание и поддержку. И помощь эта носила обоюдный характер [37, с. 49].

В ходе строительства многонационального государства азербайджанцам пришлось сталкиваться с трудно преодолимыми межэтническими противоречиями социального плана, сопровождавшимися родовыми и межэтническими стычками, которые были связаны прежде всего с землепользованием, кражами. Именно на этой почве возникали частые

столкновения и в Курдистане (Азербайджан) [ЦГА ФСБ. Ф.2. Оп.2. Д.752. Л. 114, 116, 127; 22, с. 251].

Все перечисленные неурядицы и претензии вызывали необходимость сосредоточения сил руководства республики на мобилизации ответственных работников с целью осуществления агитации и пропаганды, в округах РСФСР и с целью совершенствования управления работами в деревне в конце 1920-х – 1930-е годы [РГАСПИ. Ф.17. Оп.23. Д.35. Л.34]. Ощущалась потребность в улучшении системы управления процессами обустройства в республике, в том числе и в районах с компактным проживанием курдского населения (Кельбаджарский, Лачинский районы). Численность курдского населения в республике составляла в этот период 43 тыс. душ. В других районах проживали еще и такие этнические меньшинства, как талыши (83 тыс. чел.), таты (60 тыс. чел.) и др. [38, с. 96].

По данным переписи 1931 года, числилось 18 349 курдов в Кистинском (6115 чел.), Лачинском (3456 чел.), Нахичеванском (4516 чел.), Баку и Бакинском районе (13 человек) [НА Грузии. Ф.697. Оп.1. Д.2404. Т.2. Л.104; 1, с. 43]¹.

Немцы

Немцы проживали в Азербайджанской ССР в незначительном количестве (до одной тысячи человек) более века, создавая материальные и духовные ценности. Только в период Азербайджанской Демократической Республики (1918 – 1920 гг.) были приравнены с остальной частью населения, в частности, представлены в законодательном собрании Азербайджана. На территории республики немцы проживали Елениндорфе, Чмнарлы (Георгфельд), Шамир (Анненфельд), в Акстафинском районе.

До принудительного выселения советских немцев с территории Азербайджанской ССР подобные операции были успешно проведены в Воронежской области согласно принятому Постановлению ГКО № 743 «совершенно секретно» от 8 октября 1941 г., и 5125 немцев отправились в Новосибирскую область и Казахскую ССР. К этому же времени состоялось переселение немцев из Москвы и Московской области (8617 чел.) и из Ростовской области (21 400 чел.) в Казахскую ССР. Были зачищены от немцев Запорожская и Сталинская области (41 000 чел.), Ворошиловградская область (5487 чел., по другим данным – 5125 человек²).

⁴ Количественные данные приведены по Постановлениям ГКО применительно к контингентам выселяемого населения. Копия с оригинала. Архив автора.

В ходе состоявшегося выселения у его организаторов, несомненно, накапливался богатый опыт оперативного исполнения подобных акций (разрешение на груз, который допускался инструкциями, сдача сельхозорудий, скота, фуража в ведение местного исполкома, предоставление кредита по линии Сельхозбанка (на постройку жилья на новом месте, питание переселенцев в пути, медицинское обслуживание и пр.).

8 октября 1941 г. ГКО было принято Постановление № 744 сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР». В основу документа, регламентировавшего процесс переселения, были положены Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2060-935 сс от 12 сентября 1941 г. и Инструкция о порядке приемки имущества. Был определен и маршрут переселения. Спецпереселенцев отправили по железной дороге до Красноводска, а далее – морским путем. СНК Казахской ССР были выделены средства из резервного фонда СНК СССР в сумме 3 млн рублей.

Принудительному переселению подлежали: из Азербайджанской ССР – 22 741 чел. [РГАНИ. Ф.3. Оп.5. Д.179. Л.98], из Грузинской ССР – 23 580 чел., из Армянской ССР – 212 чел., а всего – 46 533 человек [РГАНИ. Ф.3. Оп.5. Д.179. Л.98–104]. По другим данным, из Азербайджанской ССР – 23 133 чел., Грузинской ССР – 20 527 чел., из Армянской ССР – 433 человека [ГА РФ. Ф.Р.–9479. Оп.1. Д.83. Л.1–3].

Выделялось для этих целей также горючее (бензин) для автотранспорта, обеспечивающего перевозку до мест расселения спецпереселенцев.

Немцы Азербайджана прибывали продолжительное время на выселении. Не изменило их положение и в начале 1970-х годов состоявшееся заседание Политбюро ЦК КПСС от 26 октября 1972 г. (Протокол № 65). Наоборот, перед ЦК компартий республик, в том числе и Азербайджанской ССР, была поставлена задача: проводить работу по закреплению необходимого проживания отдельных категорий граждан, подвергшихся принудительному переселению в другие районы СССР. Это указание в полной мере распространялось и на советских немцев.

Советские курды

Операция по принудительному выселению проводилась и применительно к советским курдам, компактно проживавшим в Азербайджанской ССР. В первый период она осуществлялась на основании Постановления СНК СССР № 2123-120 сс 17 декабря 1936 г. Курды выселялись как «контрреволюционный бандитский элемент», в основном из пограничной зоны Азербайджанской ССР, то есть основная причина была связана с пограничным (периферийным) фактором. На его основе выселялись принудительным порядком и многие другие эт-

нические меньшинства, частности немцы и поляки с территории северо-западного региона страны. Из пограничной зоны Азербайджанской и Армянской ССР последовали в столь отдаленные места 1125 граждан курдской национальности. По имеющимся данным 4-го Управления Министерства госбезопасности Союза ССР, в Киргизскую ССР было направлено 812 курдов, в Казахскую ССР – 518. Оставшиеся курды из Закавказья (8694 чел.) окажутся в числе принудительно переселяемых в середине 1940-х годов, а, по приблизительным данным, упомянутого историка академика Ш. Мгою, всех не расселявшихся курдов было около 40 тыс. человек.

Иранцы

Определенный интерес в плане изучения истории принудительного переселения в Союзе ССР вызывает общность иранцев, присутствие которых четко прослеживается в истории Азербайджанской ССР 1940–1950-х годов.

На территории Кавказа, а также других регионов СССР армия «неблагонадежных» заметно расширяла свои границы по линии как одиночек, так и групп иранского населения. Они были невольно вовлечены в водоворот переселений разной направленности. По данным Ф. Юсупова, под общим названием «иранцы» объединены в основном три национальности, прибывшие в разные годы с территории Ирана: это иранские азербайджанцы (около 60%), персы, или фарсы (30%) и иранские курды (10%) [35].

Вопрос о принудительном переселении иранцев основательно прорабатывался Советом Народных Комиссаров с конца 1937 г. по январь – февраль 1938 г. Эта акция коснулась 2000 семей (6000 чел.) граждан иранской национальности, составлявших основную оппозицию шахскому режиму. Итогом разработки карательной акции 9 января 1938 г. были намечены меры, которые нашли отражение в Директиве № 202 о репрессиях против иранских граждан и представителей других этнических общностей. Суть сводилась к тому, чтобы была проведена «тщательная зачистка от переселенцев контингента пограничных регионов, промышленных предприятий особо оборонного значения, транспорта, морских портов, армии, флота, войск НКВД и органов НКВД СССР» [21, с. 664].

18 января 1938 г. нарком НКВД СССР Н.И. Ежов дает указание, в частности, Т.М. Борщову (Борщеву) в НКВД (Баку) шифротелеграммой «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана»: «Немедленно начните аресты всех иранцев – иранских подданных и иранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов». И далее указывалось, что в первую очередь должны быть очищены от указанных категорий транспорт, промыслы, города Баку и Кировабад. Оформление дел и их рассмотрение проводить в порядке пункта оперприказа за № 00485.

Указанный приказ был издан 11 августа 1937 г., касался репрессированных поляков, предусматривая в связи с этим рассмотрение дел так называемой двойкой – комиссией, состоявшей из наркома внутренних дел Н.И. Ежова и Прокурора СССР А.Я. Вышинского. Именно по этой процедуре рассматривались дела и иранских граждан из Азербайджанской ССР и других регионов [21, с. 654].

Решением Политбюро от 19 января 1938 г. (Протокол № 56/308) НКВД СССР было предложено всем иранцам, проживающим в пограничных с Ираном районах Азербайджана и оформивших советское гражданство, в месячный срок переселить в Казахстан. Тех, кто откажется, немедленно депортировать в Иран. Планировавшаяся операция на том и завершилась.

По этому поводу в письме от 24 сентября 1938 г. на имя председателя СНК В.М. Молотова нарком внутренних дел СССР Ежов и начальник Управления госбезопасности Берия сообщают, что «это решение своевременно выполнено не было». Хотя 20 февраля 1938 г. СНК СССР и было принято Постановление о переселении иранцев с территории Азербайджана (№ 202–34 «секретно»).

Правда, следует заметить, что в это же время выселялись и иранские граждане (из Керки, Тахта-Базара, Серахма), проживавшие в южных приграничных районах Марыйской области Туркменской ССР. Они были принудительным образом переселены в районы Байрам-Али и Иолотани в северную, пустынную часть области, «в малоприспособленный для жизни человека природный пояс» [ГА РФ. Ф.Р.–5446. Оп.30. Д.29. Л.23; 29, с. 484].

В конце сентября 1938 г. глава НКВД СССР Н. Ежов обратился с просьбой к В.М. Молотову «утвердить представленный проект о порядке переселения и хозяйственного устройства иранцев». Проектом предусматривалось переселить иранцев Азербайджана, операция возлагалась на НКВД Азербайджана и СНК Казахской ССР (прием, расселение, строительство и хозяйственное строительство переселенцев в Казахской ССР). Наркомторг СССР обязан был обеспечить иранских переселенцев «зимним верхним платьем» (валенками и мануфактурой на 5000 рублей) [ГА РФ. Ф.Р.–5446. Оп.30. Д.29. Л.27-28].

В это же время НКВД СССР подготовил справку и доложил И. Сталину о ситуации с иранскими гражданами, проживавшими в Азербайджанской ССР. Их в республике насчитывалось более 40 тыс.; иранских подданных было 25 тыс. человек. Из этого количества иранцев 10 тыс. проживали и трудились в Баку, преимущественно на нефтяных промыслах, в Каспийском пароходстве и на железнодорожном транспорте. Непосредственно в районах проживали 5 тыс. человек, в Нахичевани и Кировабаде – 1200 человек. Выехали в Иран из контингента иранцев 1167 человек. Оформленных на выезд в Иранском консульстве значилось 852 человека. В статистическом отчете НКВД СССР отмечалось, что с 1937

по 1939 г. было арестовано около 7 тыс. человек. В плане чисто политических мер руководство устройством иранцев-переселенцев возлагалось на Переселенческое управление Наркомзема СССР, им же утверждалась смета на организационно-оперативные расходы.

«Иранский вопрос» снова оказался в центре внимания на заседании 27 декабря 1938 г. На нем рассматривался «вопрос НКВД» и вопрос об арестованных иранцах. В итоге решено: «Принять предложения НКВД СССР о выселении из пределов СССР всех тех арестованных ирано-подданных, которые являются физически здоровыми, вместе с их семьями» [21, с. 532]. То есть все они подлежали депортации.

В это же время были приняты ряд документов о расселившихся иранцах и представителях других народов, переживших принудительное переселение. В документе «Дополнительные расчеты по устройству в 1939 г. переселенцев в Казахскую ССР» значится: «СНК Казахской ССР практикует выдачу кредита на обводнение по 200 руб. на 12 634 корейских хозяйств, 802 курдских, армянских и тюркских хозяйств, 11 иранских хозяйств. Итого – 14 531 хозяйство» [ГА РФ. Ф.Р.–5446. Оп.30. Д.15. Л.54–55]. Меры подобного характера принимались и в последующем.

В сентябре 1939 г. Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей». Согласно решениям Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г. «Спецпереселенцы» иранцы должны были быть в составе 2081 чел. в Северный Казахстан, в том числе из Туркменской ССР – 952 чел., Азербайджанской ССР – 321, Ростовской области – 267, Украинской ССР – 191, Дагестанской АССР – 99, Орджоникидзевского края – 70, Саратовской обл. – 45, Воронежской – 18, Узбекской ССР – 16, Сталинградской обл. – 14, Кабардино-Балкарской АССР – 12, Армянской ССР – 1, Ленинградской обл. – 10, Грузинской ССР – 8, Тамбовской обл. – 6, Куйбышевской обл. – 2, Омской обл. – 2, Белорусской ССР – 2, Краснодарского края – 2, Московской обл. – 1 человек. В 1938–1939 гг. было выселено 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. – из Азербайджанской ССР) [7, с. 67; 38].

Они расселялись в Казахской и Киргизской ССР. В середине июня 1944 г. были выявлены 310 семей (3652 чел.) местных жителей турецкого греческого и иранского подданства. Все они имели на руках просроченные национальные турецкие, греческие и иранские паспорта. НКВД СССР готовил этот контингент к переселению в один из районов Узбекской ССР [7, с. 68].

Аналогичным образом поступили и с той группой иранцев, которые были в Союз ССР уже после окончания войны, то есть в 1954–1957 гг. Их целью было изучение опыта по созданию демократической партии на территории

Иранского Азербайджана с прицелом на будущее – при соединении этой территории к Советскому Азербайджану. Одни иранцы стали курсантами Бакинского военного училища, другим возвратиться в Иран уже не удалось, и там было покончено с демократией, учинен жесточайший режим репрессий. Тех же офицеров, кто не пожелал оставаться на территории СССР, ожидала участь быть депортированными, но в новой обстановке по указанию НКВД СССР в 1949 г. последовало повторное выселение иранцев, теперь уже в Узбекскую ССР. На сей раз их численность составила 493 человека. Жизнь в новом месте протекала под надзором комендантов. Реабилитация для них пока не наступила. К протоколу заседания ЦК КПСС № 65 от 25 октября 1972 г. был приложен проект Указа Президиума Верховного Совета ССР «О снятии ограничения и выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан».

Греки

Греки относятся к народу, часть которого по разным причинам переселялась на территории России еще в VII–VI вв. до н.э. В ту пору греки появились в Причерноморье. И особенно переселение греков проходило в расширенном масштабе в XVIII в., главным образом на выделенной для них территории в Приазовье. Сюда же прибыли на поселение некоторые общины греков с территории Крыма. Одновременно протекал процесс переселения греков на территорию Грузии из Турции. Таким образом появились греки и в Закавказье.

В конце 1970-х годов на территории СССР насчитывалось 344 тыс. греков, в том числе прибывших после Гражданской войны в Греции (1946–1949 гг.). На побережье Черного моря расселились около 5 тыс. греков. В последующем наблюдается прирост греческого населения.

Накануне Великой Отечественной войны греческое население, как и другие этнические общности в Союзе ССР, претерпело принудительное переселение: 114 тыс. греков оказались в Узбекской ССР, 50 тыс. – в Казахской ССР [24, с. 826-827].

Греки в России проявляли особое внимание к образованию, располагая сетью своих школ и педагогическими техникумами, активно участвовали в работе органов советской власти. Греки – активные участники в борьбе с фашизмом. Некоторые из них стали Героями Советского Союза [19; 20].

Непосредственно в 1944 г. принудительное переселение коснулось и греков, проживающих в Грузинской, Армянской и Азербайджанской республиках Закавказья. По данным сводок НКВД СССР, их насчитывалось вместе с греками, выселяемыми с Черноморского побережья Краснодарского края, 16 375 человек. В первой волне они расселялись по республикам Средней Азии, в Казахстане. Однако этим принудительное переселение греков на территории Кавказа не заканчивалось.

К началу 1950-х годов греки с Черноморского побережья трех республик Закавказья СССР в Казахской ССР из общей суммы греков спецпереселенцев на этот период – более 60 тыс. человек, в Казахской ССР насчитывалось. 24 581 (по другим данным 24 592) человека, дашнаков – 11 человек, турок – 7466 человек. Распределялись спецпереселенцы с Черноморского побережья следующим образом: в Алма-Атинской обл. – 441 чел., Гурьевской обл. – 6 чел., Джамбульской обл. – 3523 чел., Каратау – 1 чел., Кокчетавской обл. – 4 чел., Павлодарской – 2 чел., Талды-Курганской обл. – 1170 чел., Южно-Казахстанской обл. – 16 091 чел., в Киргизской ССР – 12 греков [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.646. Л.2–70; Д.648. Л.1–221; 9, с. 82-87].

На основе принятого Постановления Совета Министров СССР от 21 ноября 1948 г. № 4367-172 сс «О выселенцах», решения Политбюро (Протокол № 69 заседания политбюро от 17 мая 1949 г.) по вопросу «О выселениях греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство» указывалось: «Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856 сс "Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства" выселить с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря политически неблагонадежных элементов».

Конкретно Министерству госбезопасности СССР (Абакумов) предписывалось выселить проживающих на Черноморском побережье Краснодарского края, Крымской, Херсонской, Николаевской, Одесской и Измаильской областей, в Грузинской и Азербайджанской ССР всех греческих подданных, бывших греческих подданных, не имевших гражданства и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, на вечное поселение в Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области Казахской ССР под надзор органов МВД.

Также указывалось, что принудительно выселяемым разрешается брать с собой личные принадлежности и ценности, домашние вещи (одежда, посуда, мелкий сельхозинвентарь, ремесленный и домашний инвентарь, запас продовольствия весом до 1000 кг на семью) [РГА ДНИ. Ф.3. Оп.58. Д.179. Л.105].

Специальным постановлением от 29 мая 1949 г. № 2214-856 сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря» МВД СССР предписывалось «обеспечить конвоирование выселяемых, перевозку по железной дороге, трудоустройство и надзор за выселенцами в местах спецпоселения» [РГАДНИ. Ф.3. Оп.58, Д.179. Л.124].

Следует отметить, что азербайджанцы выселялись и в составе других этнических групп, выселяемых с территории Северного Кавказа. В Справке о количестве других национальностей, находившихся на спецпоселении, выселяемых с немцами, с выселенными с Кавказа и Крыма, но не входящих в состав се-

мей этих контингентов, значились в числе прочих 174 человека (украинцы, лакцы, лезгины, азербайджанцы, черкесы, грузины, адыгейцы, арабы, сваны, турки). Об этом сообщал в декабре 1949 г. начальник 2-го Отделения ОСП МВД СССР капитан Б.П. Трофимов.

Всего же, по данным начальника ОСП НКВД СССР полковника В. Шияна, на 25 июля 1949 г. было принудительно выселено из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР 57 246 спецпереселенцев. Из них мужчин – 18 319, женщин – 18 892, детей до 16 лет – 20 035 человек [9, с. 76].

Поляки

К началу 1940-х годов численность граждан польской и еврейской национальности, подвергшихся переселению по различным причинам с 1930-х годов, составила, по приблизительным данным, около 400 тыс. человек. Расселены они были в основном по территории Казахской ССР, Оренбургской области и другим регионам РСФСР.

По данным академика РАН Г.А. Куманева, в Азербайджанской ССР вместе с русскими, украинцами, евреями были эвакуированы частично и представители польского населения. В Дагестанской АССР (Дербентский район) были высланы 42 русских, 212 евреев, 43 украинца, 35 болгар, поляков, татар [РГАСПИ. Ф.117. Оп.113. Д.826; 33, с. 687].

В 1946 г. поляки не оставались на проживании и в Азербайджане. По данным Сводки о состоянии реабилитации, связанной с разными периодами переселения поляков (1946 г.), они претерпели к этому времени три подобные акции и в конечном итоге возвращение в Польшу. Правительство СССР уже в 1944 г. приняло решение «облегчить» положение граждан польской национальности, переселив их на этот раз из северных районов страны. Постановлением СНК СССР от 5 апреля 1944 г. № 359–105 сс они переселялись в более подходящие по климатическим условиям регионы страны.

В июне 1945 г. ГКО СССР принял Постановление о возвращении в организованном порядке к местам постоянного жительства всех поляков по национальности, являющихся жителями Польши и немецких территорий, отошедших Польше, мобилизованных при очистке тылов действовавшей Красной армии, в соответствии с постановлением ГКО № 7567 сс от 3 февраля 1945 г. и находящихся на работе в промышленности. На территории страны проводилась большая организационная работа. Было выявлено 200 тыс. граждан (с детьми) в союзных и автономных республиках, а также в краях и областях. Затем этот контингент увеличился на 27 тыс. человек.

Из числа всех граждан польской национальности в этот период в Азербайджанской ССР значилось 250 человек. Подали заявку на возвращение в Польшу

183 чел., не выехал по разным причинам 1 человек [ГА РФ. Ф.5446. Оп.49. Д.3626. Л.175].

Данные о численности поляков в Союзе ССР отличаются определенной тенденцией к снижению. По статистическим сведениям переписей населения за 1959–1989 гг.: в 1959 г. их численность составляла 1 380 282 чел., в 1989 г. – чуть более 1 263 тыс. человек.

Чеченцы, балкарцы и другие

Не следует забывать, что Баку был и в ту пору центром культуры и просвещения. Поэтому тянулась в этот город и молодежь с территории Северного Кавказа, Крыма, которая поступала в том числе и в высшие учебные заведения и находила свое применение в азербайджанском социуме. Начиная с 1944 г. в республиках Закавказья многие из молодых людей находились в Азербайджане, Грузии.

Со стороны правительства СССР предпринимались меры по «зачистке» республик от представителей репрессированных народов. По указанию наркома Л. Берии республиканские органы власти обязаны были провести в срочном порядке операции по выявлению лиц, принадлежащих к переселяемым «по государственному заданию» национальностей в рамках всего Кавказа, «не утаивая ни одного», и выслать их в Казахскую и Узбекскую ССР. На первых порах были выявлены 4116 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Из них выселялись в Грузинской ССР 2711 чеченцев, из Азербайджанской ССР – 21 чеченец. Балкарцев было выявлено 67 человек. Все они принудительно переселялись в отдаленные регионы на востоке страны [12, с. 172].

Этнические меньшинства стран Востока в национальной политике Сталина занимали особое место [4; 8; 25].

Дашнаки

4 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О выселении дашнаков, проживавших в Армянской и Азербайджанской ССР», а 11 апреля – дашнаков, остававшихся на поселении в Грузинской ССР. В целом эта операция охватила контингент в 1000 человек, в числе которых оказалось немало недавно репатриированных армян [15].

Приведенные автором сведения раскрывают суть национальной политики по отношению к названным титульным народам и этническим меньшинствам, представителям политических партий (дашнаки, националистическая контрреволюционная партия «Мусават» и др.) на рассматриваемом отрезке времени в Азербайджанской ССР и на всей территории Кавказа.

Спустя год, 25 апреля 1950 г., МВД СССР издало Приказ «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948

г. на выселенцев с Черноморского побережья», и к нему были присоединены и азербайджанцы, выселенные из Азербайджанской ССР на основании Указа Президиума ВС СССР от 6 апреля 1950 г. о выселенных по Постановлению Совета Министров СССР № 2214-7856 от 29 мая 1949 г. из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, также побережья Черного моря дашнаков, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство и греков, принадлежавших к этой категории. Далее указывалось, что в Казахской ССР, Алтайском крае и Томской области лицам названных национальностей «вручить расписки об объявлении им указа Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 года» [24, с. 718-719]. Но именно в это период на основании Постановлений Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856 сс и № 14133 от 21 января 1950 г. из Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и Черноморского побережья на спецпоселение в отдаленные регионы страны по решению *Особых совещаний* были выселены бывшие греческие, иранские и турецкие подданные, не имеющие гражданства, и бывшие подданные этих государств, принятые в советское гражданство. Всего на середину 1950-х годов на учете спецпоселений таких лиц оставалось 35 610, в том числе подданных Греции – 21 199 человек [17, с. 222-223].

22 сентября 1956 г. были сняты с учета спецпоселения категории иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство, выселенных в 1942–1951 гг., в том числе из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР и Черноморского побережья [17, с. 222-223].

Переселение и реализации мер по реабилитации граждан проходили почти одновременно. Вторая его практическая часть влечет за собой в первую очередь снятие с учета позорного статуса – «спецпереселенец». Практиковался поначалу и режим, называемый «без права возвращения к месту жительства». В специальном Указе Президиума Верховного Совета СССР названы были только турки, курды, хемшилы – граждане СССР. О принудительно переселенных азербайджанцах вообще не было ни слова. И в этом случае необходимо отдать должное мерам, предпринятым в 1957 г. По ходатайству ЦК КП Азербайджана был принят Указ о снятии ограничений с граждан азербайджанской национальности, принудительно выселенных в 1944 г. с территории Грузинской ССР, а также предоставлении права по их желанию переселиться на постоянное место жительства в Азербайджанскую ССР. Особо активной работы по внедрению в жизнь указа не наблюдалось. На первых порах прибыли в республику немногим более 10 тыс. человек, причем часть из них возвратилась обратно в места поселения [37].

Возврат граждан в места поселений не был случайным. С одной стороны, проявилась определенная активность, подтверждением чему было поступление обращений в Президиум Верховного Совета СССР от граждан турецкой и азербайджанской национальности, и число этих писем с десятками и сотнями подписей граждан возросло до 3,5 тыс. В данном случае необходимо было учитывать фактор времени: 23 года пребывания в новых местах обитания турок, хемшинов, курдов и азербайджанцев дали свои результаты. Переселенцы прочно обустроились, вошли в местный социум, и вряд ли возможно было в этой обстановке возвращение в места, уже заселенные другими людьми. Таким четким было понимание проблемы последних политических акций.

Кстати, было принято и специальное постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором разъяснялось положение о пользовании правами названных этнических общностей, включая азербайджанцев. Не были оповещены бывшие спецпереселенцы о законодательстве, регламентирующем защиту их прав (трудовое обустройство, паспортный режим и пр.). Не наблюдалось в республиках, в том числе Азербайджанской и Грузинской ССР, политической работы среди турок, курдов, хемшинов и азербайджанцев. Не был представлен комплекс мер по оказанию этой категории граждан необходимой помощи (хозяйственное и культурное строительство и др.) [ГА РФ. Ф.Р.–7523. Оп.121. Д.49, Л. 23, 24, 25].

Тем не менее поначалу был подготовлен проект Постановления ЦК КПСС «О гражданах СССР – турках, курдах, хемшилах и азербайджанцах», проживающих в пограничных районах Грузинской ССР». Названные меры должны были выполняться как программа (создание фермерских хозяйств, воспитание патриотизма, учет национальных особенностей, создание условий, обеспечивающих пресечение антиобщественных проблем со стороны агрессивно настроенных лиц из числа националистов).

28 апреля 1956 г. появился новый проект Постановления Верховного Совета СССР о порядке применения в отношении граждан СССР – турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР.

Было положено начало реабилитации репрессированных народов Юга Грузинской ССР. В действительности этот процесс занял длительное время и продолжался в условиях нового периода развития России, Азербайджанской Республики, других союзных государственных образований [ГА РФ. Ф.Р.–7523. Оп.1. Д.49. Л.17].

Во всех этих социальных процессах особая роль придавалась органам исполнительной государственной власти, партийным организациям, где проживали переселенцы, проводилась работа по закреплению постоянного проживания этих граждан в соответствующих республиках, краях и обла-

стях, организовывалось оказание помощи в решении задач хозяйственного обустройства, культурного развития, воспитания культуры межнационального общения, повышался уровень работы с этническими меньшинствами, ее эффективности в воспитании истинных патриотов, реализовывался курс на активное участие этнических меньшинств в общественно-политической жизни государств [РГАНИ. Ф.3. Оп.58. Д.184. Л.54–56].

О том, что ранее репрессированные граждане, возвратившиеся на территорию Азербайджана, во многом владели жалкое существование, свидетельствует и такой документ, как обращение Временного организационного комитета советских турок¹ от 29 сентября 1989 г. В обращении анализировалось истинное положение граждан-турок и вскрыты причины их непростого социального положения, предложены меры по улучшению ситуации: выработка гарантий безопасности и защиты от физического истребления, в первую очередь во всех регионах Средней Азии и Казахстана; невозможность адаптации в короткие сроки граждан-турок с учетом климатических условий средней полосы России; предоставление возможности временного компактного проживания турецкого народа [24, с. 832].

Более четкое выражение потребностей турок было обобщено в письме «О мерах помощи туркам-месхетинцам, прибывшим в Азербайджанскую ССР» заместителя председателя Госплана СССР В.Д. Дурасова от 15 сентября 1989 г. на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.А. Воронина.

Конкретные действия по улучшению на первом этапе материального положения более 40 тыс. турок-месхетинцев, выселенных с территории Кавказа (Грузинская ССР) в 1944 г., сводились к следующим мероприятиям:

- оперативное размещение и обустройство возвратившихся граждан;
- продолжение строительства жилых домов (41%, 1989 г.), школьных площадок (56%), больниц (22%);
- оставление неиспользованных капитальных вложений в распоряжении Совета Министров Азербайджанской ССР;
- выполнение запроса на 300 млн руб. капитальных вложений, из них 155 млн – на 1989 год;
- выделение на 1990 год лимита государственных неиспользованных капитальных вложений в сумме 703 млн рублей;
- организация приемлемой базы для размещения турок-месхетинцев.

¹ В состав Временного организационного комитета входили от турок-месхетинцев Ю. Сарваров, Р.М. Саидов, А.Ф. Алиев, Р.Р. Расулов Т.К. Саидов. Обращение принято на собрании с участием 526 представителей от народа.

Представляют интерес данные о турках-месхетинцах, изъявлявших желание переехать в Грузинскую Республику и обустроиться там на жительство (См. табл. 2).

Таблица 2

Справка
о взятых на учет семьях месхетинцев, желающих переселиться
в Грузинскую ССР

№	Республики	1.01 1986	1.01 1987	1.01 1988	1.06 1988	1.01 1989	1.02 1989	1.03 1989	1.04 1989	1.05 1989	1.06 1989
1	Узбекская ССР	583	610	755	5549	6095	6097	6100	6103	6108	6103
2	Азербайд- жанская ССР	415	650	1288	2090	2343	2343	2343	2346	2346	2346
3	Казахская ССР	173	185	192	722	995	995	995	997	997	997
4	Киргизская ССР	28	30	169	179	179	179	179	179	179	179
5	Кабардино- Балкарская АССР	18	180	283	542	551	551	551	551	551	551
6	Другие регионы	-	8	12	76	79	80	13	80	80	80
7	Грузинская ССР	-	12	42	46	46	46	46	46	46	46
	ВСЕГО:	1217	1675	2741	9213	10288	10291	10201	10294	10302	10302

Источник: «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 822.

Source: "According to the decision of the Government of the USSR..." Nalchik: El-Fa, 2003. P. 822.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что по известным причинам «ферганские события» (1989 г.), несомненно, чувствительно отразились на обстановке в республике и усилили отток турок-месхетинцев с территории республики. Заметно выделяются по сравнению с другими показатели в Азербайджанской Республике.

Несомненно, такое положение было обусловлено отсутствием продолжительное время должного внимания и конструктивной работы со стороны государственных органов исполнительной власти республики, что не могло не повлиять на высокий исход населения с территории Азербайджана. В целом же около 20 тыс. граждан турок-месхетинцев готовы были в 1986–1989 гг. отправиться в Грузинскую ССР, откуда и осуществлялось принудительное переселение этнических меньшинств, в том числе и азербайджанцев, в столь отдаленные места.

В послании В.Д. Дурасова в отдельном разделе содержались предложения Совета Министров Азербайджанской ССР, которые сводились к следующим:

- распространение на турок-месхетинцев, прибывавших в республику, льгот, установленных для турок-месхетинцев, проживающих в Нечерноземной зоне РСФСР;
- привлечение к выполнению работ, связанных с необходимым содержанием строительных организаций;
- создание условий для проживания турок-месхетинцев на территории Азербайджанской Республики [24, с. 882].

Вывод. Таким образом, достижение необходимых условий для проживания турок-месхетинцев в Азербайджанской ССР во многом зависело от активной и конструктивной деятельности органов власти на местах, их мобилизационных действий, повышения этнической мобильности, усиления их роли в обеспечении государственной безопасности. Процесс во многом определялся реализацией намеченных задач, успехами борьбы за мир и гражданское согласие в многонациональном сообществе.

Для Азербайджанской Республики были характерны и межрегиональные переселения. Например, по причине неудавшейся попытки Союза ССР возвратить в 1945 г. территории, отошедшие Турции в 1921 г. И на сей раз переселение носило принудительный характер. Академик военно-исторических наук С.В. Мошкин представил подробный анализ этой ситуации в упомянутой статье. А в итоге на территорию советской Армении были возвращены 90 тыс. армян (планировались к возврату 400 тыс. армян).

Последовало решение 21 ноября 1945 г. об освобождении территорий, занятых азербайджанским населением в Армении. 23 декабря 1947 г. Советом Министров ССР принимается Постановление № 40834 «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». Это Постановление было дополнено 10 марта 1948 г. новым Постановлением № 754 «О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». Планировалось в период 1948–1950-х годов переселить из горных районов в Армянской ССР – Азизбековского, Сисианского, Ехегнадзорского, Вединского (позднее переименован в Араратский район), Басаргечарского (позднее Варденисский) – в безводную Миль-Муганскую степь на «добровольных началах» 100 тыс. азербайджанцев. Из них 10 тыс. чел. – в 1948 г., 40 тыс. чел. – в 1949 г. и 250 тыс. человек – в 1950 г. [36]. В целом за 1948–1953 гг. из Армянской ССР было переселено 53 тыс. азербайджанцев. Как свидетельствуют исследователи проблемы Дж. Гасанлы и С.В. Мошкин, судьба этих переселенцев сложилась неудачно [15, с. 408].

Межрегиональные переселения в Армянской и Азербайджанской республиках в целом носили цивилизованный характер и решались в условиях консенсуса, что вполне приемлемо в практике межрегиональных отношений в целях восстановления исторической справедливости. Естественно, такие меры должны регулироваться органами государственной власти заинтересованных территорий, без вмешательств третьей стороны.

В конце 1980-х – в первой половине 1990-х годов Кавказ превратился в обширную зону этнического бедствия. Наряду с движением вынужденных переселенцев между Азербайджаном и Арменией, в эти социальные процессы вовлекалась и Российская Федерация, на начальном этапе, в первую очередь, ее южные районы, главным образом Северный Кавказ. На февраль 1997 г., по данным ФМС России, в стране было учтено беженцев только из Азербайджана 113 тыс. человек, из Армении – 8 тыс. человек. По официальным данным, из Азербайджана выехало от 169 тыс. до 200 тыс. русских, 15 тыс. украинцев, 3 тыс. белорусов. Миграционный процесс затронул значительную часть титульного населения Азербайджана. По данным азербайджанской прессы в 1991 – 1997 гг. в России. Из республики выехало более 1,5 млн азербайджанцев.

В связи с расселением турок-месхетинцев, как и представителей других этнических общностей на территории Азербайджанской Республики, как отмечалось, были расселены более 100 тыс. граждан. В данном вопросе Азербайджан выступал за последовательную политику, направленную не на временное, а на постоянное обустройство этой части своих граждан¹. Эта оценка излагалась и прозвучавших 14 – 15 г. ноября 2014 г. на Международном симпозиуме, приуроченном 70-летию принудительного переселения турок-месхетинцев с территории Грузии в Казахстан и республики Средней Азии (1944 г.).

В этой ситуации желание того или иного лидера государства не должно быть решающим, как это, кстати, навязывалось практикой отношений со стороны Украинской ССР, руководствовавшейся на всех этапах развития государственности применением формы дарения и территорий, и населяющих их народов без учета их интересов. Такой подход, как показывает практика, ведет к уничтожительным итогам. Свидетельством подобного решения являются судьбы современного поколения, этот наглядно демонстрирует Украина. Это негативная практика, она сеет только раздор. Стремление же людей – жить в мире и гражданском согласии, не навязывая ни своего языка, ни стиля жизни.

¹ Эта оценка содержится в документах опубликованных в книге: «Турки-месхетинцы в России: выбор пути, перспективы (1990-е - начало 2020-х годов)». История в документах. Автор-составитель Н.Ф. Бугай. М., 2022. С. 681. С. 578. Приложение сборника документов к разделу «Библиотека» журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкоси Караме. Документы о курдах Южного Кавказа, хранящиеся в Национальном архиве Грузии. Описи и выписки из архивных документов в округах. 1909–1940 годы. – Тифлис, 2003. – С. 41.
2. Байрактар Расим, Бурхан Баш. Менталитет арабов, персов, турок и славян в теории климата и умрана Ибн Халдуна // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2023. – Т. 15. № 1. – С. 113-149 и др.
3. Байрактар Расим. Православие грузинского руководства и мусульманские меньшинства // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 1. – С. 37–56.
4. Бугай Н.Ф. О депортациях иранцев из Азербайджана и Казахстана // Восток. – 1994. – № 6.
5. Бугай Н.Ф. «Страдающие» ли национальные меньшинства в управлении государством // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 2. – С. 32–60.
6. Бугай Н.Ф. Диалог культур: изучение, теория, практика // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 1. – С. 17-36.
7. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. – М., 2014. – С. 67.
8. Бугай Н.Ф. Репрессированные народы: армяне, греки и другие // Шпион. – 1994. – № 2(4), № 3(5).
9. Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944–1994 гг. – М., 1994. – С. 76.
10. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Болгары Крыма: незавидная судьба // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 6. – С. 17–28.
11. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. По какой причине отсутствует реабилитация греков? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 3-4. – С. 13–35.
12. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в терпении и надежде...» 1920–1960-е годы. – М., 2015. – С. 172.
13. Бушуева Т.С. Георгий Васильевич Чичерин: ответственность перед нацией // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 14. № 5. (2022). – С. 18–39.
14. Ващук А.С., Коваленко С.Г. Российские историки об исторических уроках и опыте создания СССР (анализ рубрики «К 100-летию образования Союза ССР: судьба народов» // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2003. – Т. 15. № 1. – С. 17–34.

15. Гасанлы Д.Ж. СССР – Турция: полигон холодной войны. – Баку, 2005.
16. Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930–1950 годы в Казахстан) / под общ. ред. Б.И. Ракишевой. – Астана, 2013. – 683 с. Сер.: Устная история. ISBN 978-601-280-461-4. – С. 7–19.
17. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать». – М., 1992. – С. 222, 223 / Сост.: Н.Ф. Бугай.
18. Кислицын С.А. Шеболдаев – большевистский революционер, региональный лидер, участник партийной фронды 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 14. № 3-4. – С. 46–64.
19. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. – Краснодар: Книга, 2011.
20. Кочериди Ю.Д. Греки в Великой Отечественной войне. – Чехов, 2020, и др.
21. Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы. – М., 2004. – С. 736.
22. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 9. – М., 2013. – С. 251.
23. Орден Богдана Хмельницкого [электронный ресурс] // URL: <http://ordenrf.ru/su/orden-bogdana-khmelnitskogo.php> (дата обращения: 02.03.2019).
24. «По решению Правительства Союза ССР...». – Нальчик: Эль-ФА, 2003. – С. 832.
25. Проблема истории массовых политических репрессий в СССР 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Матлы VIII Междунар. науч. конф. Ч. 1. – Краснодар, 2013. Иранцы. 1930–1950-е годы.
26. Рамазанова Д.Ш. Принцип консоциальности в повседневной жизни Республики Дагестан в 1994–2006 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2021. – Т. 13. № 6.
27. Рамазанова Д.Ш. Русские в системе отношений Республики Дагестан // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 14. № 6 (2022). – С. 29–55.
28. Сбор чанага // Бакинский рабочий. 11 дек. 1921 г. – № 285. – С. 2; Такой шаг в Азербайджанской Республике встретил понимание и поддержку // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 1. – С. 37–56.
29. Сталинские депортации. 1928–1953. Документы. – М., 2004. – С. 484.
30. Судьбы иранцев – граждан СССР // Обозреватель. – 1994. – № 14.

31. Чеботарева В.Г. РСФСР: в ликвидации колониального наследия народов Центральной Азии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. № 2. – С. 17–31.
32. ЦК КПСС. (№ 389 пп. от 17 мая 1968 г.) Обзор // Курды СССР – России: трасса длиною 100 лет. Документальная история. – М.-Тула, 2014 / Сост.: Н.Ф. Бугай и М.И. Мамаев.
33. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М.: РОСПЭН, 2005. – С. 687.
34. ЦК КПСС. О решении проблем советских греков / «По решению Правительства Союза ССР...». – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 826–827.
35. Юсупов Фаридум. Иранцы. Очерк // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х томах. Т. 1. – М., 1993.
36. URL: <http://www.ksamorg/forum/index.php?showtopic=4137> (дата обращения: 10.06.2023).
37. Курды СССР – России: трасса длиною в 90 лет. Документальная история. – М., 2014. – С. 49.
38. Материалы к «Народы и культура». Вып. 12. Депортация народов СССР (1930 – 1950 гг.) Ч. 1. М., 1992. С. 265.

REFERENCES

1. Ankosi Karame. Documents about the Kurds of the South Caucasus, stored in the National Archives of Georgia. Inventory and extracts from archival documents in the districts. 1909 - 1940s. Tiflis, 2003, p. 41.
2. Bayraktar Rasim, Burkhan Bash. The mentality of the Arabs, Persians, Turks and Slavs in the theory of climate and death of Ibn Khaldun // ISOM. T. 15. No. 1 (2023). pp. 113 – 149, etc.
- 3 Bayraktar Rasim. Orthodoxy of the Georgian leadership and Muslim minorities // Historical and Social-Educational Idea T. 14. No. 1 (2022). pp. 37-56.
4. Bugay N.F. On the deportations of Iranians from Azerbaijan and Kazakhstan // Vostok. No. 6. M., 1994.
5. Bugay N.F. Are National Minorities “Suffering” in State Administration // Historical and Social-Educational Idea. T. 14. No. 2. (2022) pp. 32 - 60.
6. Bugay N.F. Dialogue of cultures: study, theory, practice // Historical and Social-Educational Idea. T. 14. No. 1. (2022); C.17-36
7. Bugay N.F. Caucasus. Ethnic minorities: past and present. Essays. M., 2014. P. 67.

8. Bugay N.F. Repressed peoples: Armenians, Greeks and others // Spy. No. 2(4), No. 3(5). M., 1994.
- 9 Bugai N.F. Turks from Meskheta: a long way to rehabilitation. 1944 - 1994 M., 1994. P. 76.
10. Bugay N.F., Gonov A.M. Bulgarians of the Crimea: an unenviable fate // Historical and Social-Educational Idea. T. 14. No. 6. (2022). pp. 17–28;
11. Bugay N.F., Gonov A.M. Why is there no rehabilitation of the Greeks? // Historical and Social-Educational Idea. T. 14, No. 3–4. P. 13–35. (2022);
- 12 Bugai N.F., Mamaev M.I. Kabardino-Balkar ASSR: "Salvation is in patience and hope..." 1920-1960s. M., 2015. P. 172.
13. Bushueva T.S. Georgy Vasilyevich Chicherin: Responsibility to the Nation // Historical and Social-Educational Idea. T. 14. No. 5. (2022). pp. 18 – 39.
14. Vashchuk A.S., Kovalenko S.G. Russian Historians on the Historical Lessons and Experience of the Creation of the USSR (Analysis of the rubric "On the Centenary of the Formation of the USSR: the Fate of the Peoples" // ISOM. Vol. 15 No. 1 (2003), pp. 17 - 34.
15. Gasanly D.Zh. USSR-Türkiye: Cold War Testing Ground. Baku, 2005.
16. Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930 - 1950: common history" (interviews with victims of deportations in 1930 - 1950 to Kazakhstan) under the general editorship of Rakisheva B.I. – Astana, 2013. – 683 p. – (Series "Oral History"). ISBN 978-601-280-461-4. pp. 7 - 19.
17. Joseph Stalin - Lavrenty Beria; "They should be deported." M., 1992. S. 222, 223 / Comp.: N.F. Bull.
18. Kislitsyn S.A., Sheboldaev - Bolshevik revolutionary, regional leader, member of the party opposition of the 1930s // Historical and Social-Educational Idea. T. 14. No. 3 - 4. P. 46 - 64.
19. Yu.D. Greeks in the history of the Kuban. Krasnodar: Kniga LLC, 2011.
20. Kocheridi SA: Greeks 19. Great Patriotic War. Chekhov, 2020, etc.
21. Lubyanka Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD 1937–1938. Documents. M., 2004. P. 532.
22. Lubyanka to Stalin "On the situation in the country (1922–1934). T. 9. M., 2013. P. 251.
23. Order of Bogdan Khmelnytsky // URL: <http://ordenrf.ru/su/orden-bogdana-khmelnytskogo.php> (date of access: March 2, 2019).
24. By decision of the Government of the USSR...". Nalchik, El-FA Publishing Center, 2003, p. 832.
25. The problem of the history of mass political repressions in the USSR 1953 – 2013: 60 years without Stalin. Comprehension passed the Soviet state. Proceed-

- ings of the VIII International Scientific Conference. Part 1. Krasnodar, 2013. Iranians. 1930 - 1950s
26. Ramazanova D.Sh. The principle of consociality in the daily life of the Republic of Dagestan in 1994 – 2006. Historical and socio-educational thought (ISOM). T. 13. No. 6. (2021);
 27. Ramazanova D.Sh. Russians in the system of relations of the Republic of Dagestan // ISOM T. 14. No. 6 (2022). pp. 29 – 55.
 28. Collection of chanaga. Baku worker. December 11, 1921, No. 285. P. 2. Such a step in the Republic of Azerbaijan met with understanding and support. ISOM T. 14. No. 1 (2022). pp. 37 – 56.
 29. Stalin's deportations. 1928 - 1953. Documents. M., 2004. P. 484.
 30. The fate of Iranians – citizens of the USSR // Obozrevatel. No. 14. M., 1994.
 31. Chebotareva V.G. Chebotarev. In the liquidation of the heritage of the peoples of Central Asia // ISOM. T. 14. No. 2 (2022). pp. 17 – 31;
 32. Central Committee of the CPSU. No. 389 pp of May 17, 1968 Review // Kurds of the USSR - Russia: a 100-year-long route. Documentary history. M. –Tula, 2014 / Comp.: N.F. Bugai and M.I. Mamaev.
 33. Central Committee of the RCP (b) - VKP (b) and the national question. Book. 1. 1918 – 1933. / Comp. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, M., ROСПEN, 2005. P. 687.
 34. Central Committee of the CPSU. On the solution of the problems of the Soviet Greeks // "By decision of the Government of the Union 34. SSR ...". Nalchik, El-Fa Publishing Center. 2003. P. 826 – 827.
 35. Yusupov Faridum. Iranians. Essay // So it was. National repressions in the SSR. 1919 – 1952. In 3 volumes. T. 1. M., 1993.
 36. URL: <http://www.ksamorg/forum/index.php?showtopic=4137> (дата обращения: 10.06.2023).
 37. The Kurds of the USSR - Russia are a 90-year-long track. Documentary history. M., 2014. P. 49.
 38. Materials for Peoples and Culture. Vol. 12. Deportation of the Peoples of the USSR (1930 - 1950). 1. M., 1992. P. 265.

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. 117292

Orcid ID: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

e-mail: nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Bugai Nikolay Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Councilor of the Russian Federation of the III class.
Ulyanova str., 19, 117292
Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org./0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 17.05.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests

© Бугай Н.Ф. 2023

© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-58-68

УДК 94(47+57)

**МАТЕРИАЛЫ КОНТРОЛЬНОГО ДЕЛА М.А. АЛЕКСАНДРОВА
В ПРОИЗВОДСТВЕ ПАРТКОЛЛЕГИИ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО
КОНТРОЛЯ ПРИ КРАСНОДАРСКОМ КРАЙКОМЕ ВКП(Б).
1944-1946 гг.**

Иванцов Игорь Григорьевич

Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко,

г. Краснодар, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

e-mail: IIG23@yandex.ru

Аннотация. Великая Отечественная война стала огромным испытанием для всех основных групп населения СССР, в том числе обладавших привилегиями членов ВКП(б). Одним из них был М.А. Александров, член партии с 1939 г., занимавший до лета 1940 г. весьма ответственную должность районного масштаба, а именно начальника политотдела зерносовхоза в Ново-Покровском районе Краснодарского края. После начала оккупации немцами территории края в июне 1942 г. он был направлен райкомом партии в партизанский отряд со штабом в станице Тульской. Прибыв на место назначения, он занялся устройством своей семьи (жены и ребенка) в тылу. Семью устроил, но обратно в партизанский отряд не вернулся, фактически дезертировав. Все дальнейшие события жизни и деятельности М.А. Александрова, вплоть до весны 1946 г., в основных моментах изложены в его контрольном деле, которое возникло по его апелляции в ПК (партколлегию) КПК (Комиссии партийного контроля) при Краснодарском Крайкоме ВКП(б), о восстановлении его в партийном членстве после исключения в 1944 г. низовой партийной организацией – Ново-Покровским РК ВКП(б). Проведенное расследование выявило неблагоприятные с точки зрения внутрипартийных контрольных органов проступки и замашки бывшего коммуниста, с подтверждением фактов дезертирства из партизанского отряда, бытового разложе-

ния и нарушения действовавшего на тот момент законодательства. Расследование завершилось его окончательным и безоговорочным исключением из партии и передачей материалов его контрольного дела в прокуратуру.

Ключевые слова: апелляция, контрольное дело коммуниста, ПК КПК при Краснодарском Крайкоме ВКП(б).

Для цитирования: Иванцов И.Г. Материалы контрольного дела М.А. Александра

в производстве партколлегии комиссии партийного контроля при краснодарском крайкоме ВКП(б) 1944-1946 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том. 15, № 3. С. 58-68 ...

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-58-68

Original article

MATERIALS OF THE CONTROL CASE OF M.A. ALEXANDROV IN THE PRODUCTION OF THE PARTY BOARD OF THE PARTY CONTROL COMMISSION AT THE KRASNODAR REGIONAL COMMITTEE OF THE CPSU(B). 1944–1946

Igor G. Ivantsov

Krasnodar Higher Military School by S.M. Stemenko

Krasnodar, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

e-mail: IIG23@yandex.ru

Abstract. The Great Patriotic War was a huge test for all the main groups of the population of the USSR, including the privileges of members of the CPSU(b). One of them was M.A. Aleksandrov, a member of the party since 1939, who, until the summer of 1940, had a very responsible position of a district scale, namely the head of the political department of the grain-zone in the Novo-Pokrovsky district of the Krasnodar Territory. After the beginning of the occupation of the territory of the region in June 1942, he was appointed to the district committee of the party to the partisan detachment with the headquarters in the village of Tula. Arriving at the destination, he took up the device of his family (wife and child) in the rear. He arranged a family, but did not return back to the partisan detachment, actually deserting. All further events of life and activity M.A. Aleksandrov, until the spring of

1946, in the main events, were set out in his control business, which arose according to his approval in the PC (party board) of the CCP (party control commission) under the Krasnodar regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, on its restoration in party membership, After the exclusion in 1944, the lower party organization – Novo-Pokrovsky RK VKP(b). The investigation revealed an unseemly, from the point of view of the intra-party control bodies, misconduct and manners of the former communist, with confirmation of the fact of desertion from the partisan detachment, domestic decomposition and violation of the legislation at that time. The investigation ended with its final and unconditional exception to the party and the transfer of materials for his control case to the prosecutor's office.

Keywords: appeal, control case of a communist, PC of the CPC at the Krasnodar Regional Committee of the CPSU(b)

For citation: Ivantsov Ig.G. Materials of the control case of M.A. Alexandrov in the production of the party board of the party control commission at the Krasnodar regional committee of the CPSU(b) 1944–1946. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 2. P. 58-68 ... (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-58-68

Статья посвящена деятельности партийной коллегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю, на примере расследования контрольного дела исключенного из ВКП(б) М.А. Александра, в период 1944–1946 гг.

В целом историография темы разработана недостаточно. Тем не менее партийно-государственное управление СССР, в том числе в годы Великой Отечественной войны, роль внутрипартийного контроля ВКП(б) в жизни военного и послевоенного советского общества стали основой монографии В.А. Ускова [1]. Вопросы теории и практики привлечения к партийной ответственности ВКП(б) рассматривались и анализировались в рамках системы политико-правовых отношений в СССР 1919–1952 гг. в статье Т.Н. Никоноровой [2]. Некоторые практики послевоенной Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), направленные против инакомыслия «солдат партии», исследовал А.Г. Тепляков [3] и др.

Комиссия партийного контроля, «организованная на централизованных началах, на местах была представлена в виде партийных коллегий (ПК), под руководством особых уполномоченных» [4, с. 3–5]. Сами члены ВКП(б) подлежали партийной ответственности за «нарушение предписаний партии и партийной

дисциплины, политические и идеологические антипартийные проступки. Ответственность неслась вплоть до исключения из партии, иногда с последующим административным и судебным преследованием» [2 с. 168].

В Краснодарском крае с 1937 г. в целом «партколлегия осуществляла контроль за соблюдением Устава партии в парторганизациях и выполнением директив вышестоящих партийных органов; рассматривала решения нижестоящих партийных органов об исключении из партии и наложении партвзысканий, апелляции членов и кандидатов в члены ВКП(б). Решения партколлегии утверждались на бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) и могли быть обжалованы в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). В 1943 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 20 марта 1943 г. и соответствующим постановлением Краснодарского крайкома ВКП(б) партколлегия была создана непосредственно в структуре аппарата крайкома партии, за счет его штатов, и стала называться – партийная коллегия Краснодарского крайкома ВКП(б). Решения партколлегии подлежали последующему утверждению на бюро Краснодарского крайкома ВКП(б)» [ЦДНИКК. Ф.1774-А. Оп.2. Д.948. Л.20, 43-44].

Материалом для статьи послужили документы контрольного дела коммуниста Александрова М.А., датируемые периодом 1944–1946 гг., находившиеся в работе партийной коллегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Краснодарскому краю и хранящиеся в фонде 1774-п (Контрольная комиссия Краснодарской краевой организации КПСС (1938–1962, 1964–1991 гг.), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Дело возникло после подачи в 1945 г. апелляции в партколлегию при Краснодарском крайкоме ВКП(б) в связи с несогласием с исключением из партии.

Выписки из контрольного дела предлагаются вниманию с сохранением грамматических и стилистических особенностей. Первый документ представляет собой запрос об уточнении личных анкетных данных фигуранта контрольного дела.

Крыловской район Краснодарского края. 29 марта 1944 г.

Павловский зерносовхоз, тов. Александрову Михаилу Артемовичу.

Оргинструкторский отдел Ново-Покровского РК ВКП(б) просит вас выслать обстоятельную объяснительную записку на имя Ново-Покровского РК ВКП(б) о вашем поведении, работе, местонахождении, отношении к немецким властям, встречи или связь с ними и т.д., во время немецкой оккупации. Кроме этого, опишите, проходили ли вы регистрацию в гестапо, полиции и других фашистских органах, как коммунист, а также проходили ли перепись населения. Сохранен ли партбилет. Какую проводили партийно-массовую работу среди

трудящихся (там, где вы проживали)?

Укажите полный адрес, названия населенных пунктов, которые вы проезжали, когда, на чем и с кем. А также где вы находились, сколько времени, даты прибытия в населенные пункты и выбытия из них в период немецкой оккупации. Кроме того, высылаем вам образцы анкетных данных, которые заполните и после, вместе с объяснительной запиской пришлите нам обратно. Все требуемые документы и анкетные данные необходимы для рассмотрения вашего дела на заседании КПК.

*Зав. оргинструкторским
отделом РК ВКП(б) Сироткин [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.22].*

После окончания оккупации городские и районные органы ВКП(б) начали работу по восстановлению партийной работы, на много месяцев прерванной фашистским вторжением. Наряду с этим они приступили к восстановлению личных дел членов ВКП(б), о деятельности которых с лета 1942 г. сведений не было.

Восстановив хронологию жизни и деятельности Александрова (как коммуниста) с лета 1942 г., Ново-Покровский РК ВКП(б) счел его недостойным быть коммунистом и передал его дело в вышестоящую партийную организацию. Результатом стал следующий документ – выписка из протокола об исключении из партии с указанием причин:

Выписка из протокола № 303 заседания бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) от 30.12.1944 г.

Исключить из партии Александрова Михаила Артемовича, рождения 1913 года, члена ВКП(б) с 1939 г. Партбилет № 2811967, за дезертирство из партизанского отряда и уничтожение партийного билета.

*Секретарь Краснодарского
крайкома ВКП(б) Селезнев [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.30].*

Далее к постановлению бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) прилагается и обоснование к исключению из партии, а именно постановление партийной коллегии при Краснодарском крайкоме ВКП(б) с кратким изложением материалов расследования от 20 марта 1946 г.:

Постановление Партколлегии при Краснодарском крайкоме ВКП(б) от 26 июля 1945 г. Об Александрове М.А.

Докладывает член ПК тов. Колосов. Александров М.А. – отсутствует.

Биографические сведения: Александров Михаил Артемович, 1913 г.р.

Родился в селе Большие-Корзинка, Штейнгартского района Краснодарского края, член ВКП(б) с 1939 г., партбилет № 2811967 (уничтожен), принят и

состоит на учете в Ново-Покровском РК ВКП(б), из рабочих, служащих, русский. Образование высшее.

До оккупации края – начальник политотдела Ново-Покровского зерносовхоза.

При немцах был рядовым работником в сельскохозяйственной общине. В настоящее время находится неизвестно где.

30.12.1944 г. Ново-Покровским РК ВКП(б) Александров Михаил Артемович исключен из партии за дезертирство и уничтожение партийного билета.

Партийной коллегией при расследовании обстоятельств контрольного дела было установлено следующее.

Александров М.А. до эвакуации работал начальником политотдела Ново-Покровского зерносовхоза. С приближением фронта к Ново-Покровскому району в июне 1942 г. он был зачислен в партизанский отряд, штаб которого находился в Тульском районе. Прибыв на место назначения партизанского отряда, в Тульский район, Александров, вместо того чтобы побыстрее влиться в жизнь отряда, занялся своими личными делами, а именно устройством своей семьи. Переправив свою семью в станицу Каменноостскую, он встретился с начальником РО НКВД (Районный отдел Народного комиссариата внутренних дел) и секретарем РК (Районного комитета) ВКП(б), которые предложили ему продвигаться дальше. О чем и сам Александров написал в своей объяснительной записке (л. 15)¹. Здесь необходимо заметить, что для партколлегии Комиссии партийного контроля (ПК КПК) при Краснодарском крайкоме ВКП(б) Александров написал подробную объяснительную записку об этом периоде своей жизни, на которую ссылаются члены партколлегии. Но самой записки в контрольном деле нет. Имеются несколько его объяснительных записок иного содержания.

Александров медлил, обратно в партизанский отряд не возвращался, ссылаясь на якобы болезненное состояние. Находившаяся с ним гражданка Хаустова (так же эвакуированная) подтверждает, что Александров пробыл в Каменноостской с семьей до 7 сентября, был здоров и вместо того, чтобы поднять настроение женщин, он себя показал трусом и маловеком в Победу Красной Армии (л. 10). Также его дезертирство из партизанского отряда подтверждали (некие) Кузнецов и Завалишин (л. 11, 13) [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.28].

Оставшись на оккупированной территории, Александров, по приказу немецкого командования хутора Аминовка, выехал в Куцевский район к своим

¹ Здесь и далее в круглых скобках идут упоминания и ссылки на листы, в которых изложены материалы партийно-следственного дела, осуществленного партколлегией КПК при Краснодарском крайкоме ВКП(б). Самих материалов, на которые идут ссылки в круглых скобках, в личном деле М.А. Александрова нет.

родственникам, где его знали как коммуниста и откуда он вновь переехал в станицу Кисляковскую. Там он работал рядовым в сельскохозяйственной общине

Причем Александров делал переезды на немецкой автомашине, что подтверждала свидетельница Хаустова (л. 10). Здесь необходимо заметить, что в материалах дела совершенно отсутствует информация, зачем, с какой целью он делала эти переезды на немецкой машине и, вообще, достоверны ли эти сведения.

Арестам и репрессиям (со стороны немцев), судя по материалам дела, Александров не подвергался. Никакой подрывной деятельности против оккупантов не проводил.

В документах Ново-Покровского РК ВКП(б) записано, что партбилет Александров уничтожил, опасаясь за свою жизнь. Он же в своем заявлении (л. 5, 6) на имя заведующего организационно-инструкторским отделом Ново-Покровского РК ВКП(б) писал, что партбилет сохранил.

Уточнить этот вопрос не представилось возможным, так как в январе 1944 г. Александров был призван в действующую Красную Армию. В 1945 г. (в июне или июле), возвратившись по демобилизации из армии, без ведома РК ВКП(б) выбыл из района и в партколлегию не являлся. По поступившим в партколлегию сообщениям, по предположительному местопребыванию Александрова неоднократно посылались письменные вызовы, но за отсутствием адресата они неизменно возвращались обратно [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.27].

И все же партколлегия КПК при Краснодарском крайкоме ВКП(б) выявила некоторые сведения, причем нелицеприятного характера, о гражданине Александрове, которые и внесла в материалы контрольного дела.

Из материалов становится известным, что с 7.03.1946 г. он работал слесарем в строительно-монтажном управлении № 1 треста «Краснодарнефтестрой» в г. Краснодаре. Начальник СМУ-1 сообщил, что, поступивший туда Александров в первое время относился к работе добросовестно, затем ушел в запой, в результате чего пропил постельные принадлежности, спецодежду и личные вещи.

С 23.03.1946 г. находился на санаторном лечении в туберкулезном санатории г. Краснодара. Из санатория сбежал, при этом похитив ряд вещей из постельных принадлежностей. Скрылся и на производство более не возвращался.

За самостоятельный уход с работы на Александрова был передан прокурору материал для привлечения его к ответственности.

По самым последним сведениям, имевшимся в контрольном деле и относившимся к марту 1946 г., Александров свою семью, жену и ребенка, бросил и сошелся с другой женщиной. Проживал с ней в районе города Батайска, но его место пребывания точно еще установлено не было (л. 28).

Таким образом, рассмотрев всю имеющуюся информацию, партколлегия КПК при Краснодарском крайкоме ВКП(б) постановила следующее:

Утвердить решение Ново-Покровского РК ВКП(б) от 30.12.1944 г. об исключении из ВКП(б) Александрова М.А. за дезертирство из партизанского отряда, бытовое разложение и самовольный уход с производства.

*Секретарь партколлегии при
Краснодарском Крайкоме ВКП(б)*

Ермаков

Члены

Колосов

Липов [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.27-29].

Здесь необходимо заметить, что Указ президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. категорически запрещал самовольный уход с предприятий, а также и самовольный переход с одного предприятия на другое. Самовольно ушедшие предавались суду и приговаривались к тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев. Эти чрезвычайные меры были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. Таким образом, фигуранту дела грозили крупные неприятности.

И последний документ, который фигурирует в индивидуальном контрольном деле Александрова М.А., – это переписка секретаря партколлегии при Краснодарском крайкоме ВКП(б) Ермакова с ответственным секретарем ПК при ЦК ВКП(б) Леоновым:

Ответственному секретарю ПК при ЦК ВКП(б) тов. Леонову.

На ваш запрос от 16.07.1946 г. высылаем дело Александрова Михаила Артемовича, аппелирующего на решение Краснодарского Крайкома ВКП(б) об исключении его из партии.

Приложение: дело на 30 листах¹.

*Секретарь партколлегии при
Краснодарском Крайкоме ВКП(б)
Оп.1 доп. Д.4. Л.31].*

Ермаков [ЦДНИКК. Ф.1774-П.

Далее следует приписка следующего содержания:

Если Александров исключен из партии крайкомом, то его партийное дело вышлите для рассмотрения в партколлегию КПК при ЦК ВКП(б).

О результатах просим сообщить заявителю.

Приложение на 2 листах.

*Ответственный секретарь Партколлегии
КПК при ЦК ВКП(б)*

Леонов [ЦДНИКК. Ф.1774-П. Оп.1 доп. Д.4. Л.34].

¹ Такое приложение в материалах дела отсутствует. Все персональное дело А.М. Александрова состоит из 29 листов.

Сам Александров, судя по материалам дела, все-таки апеллировал решение партколлегии КПК при ЦК ВКП(б), считая свое исключение из партии необоснованным и несправедливым. Но в самих документах персонального дела М.А. Александрова нет сведений о подтверждении окончательного исключения фигуранта дела из партии партколлегией при ЦК ВКП(б). Тем не менее с большой долей вероятности можно предположить, что он был исключен окончательно и бесповоротно, без права на последующее восстановление.

О дальнейшей судьбе незадачливого Михаила Артемовича Александрова ничего не известно.

Краснодарская организация ВКП(б) в условиях военного времени сильно уменьшилась как в численном выражении, так и в количестве первичных партийных организаций. К такой ситуации привели мобилизация или добровольный уход в ряды РККА, эвакуация в другие районы и области СССР, гибель в боях с оккупантами.

«На 1 июля 1941 г, в парторганизациях края было 61 777 членов и кандидатов в члены ВКП(б). За 43 месяца войны из Краснодарского края было 33 743 коммуниста, или 55% к численному составу по состоянию на 1 июля 1945 года.

На 1 января 1945 г. численный состав парторганизаций края – 28 034 человека. Если на 1 июля 1941 г. в крае было 4459 первичных организаций, то на 1 января 1945 г. их осталось 2591, т.е. уменьшилось на 1868. Кандидатских групп было 508, осталось 246» [5 с. 267].

Но не только мобилизация в действующую армию, эвакуация и даже гибель на фронте или в оккупированных районах от рук врага способствовали сокращению численности краевой (и районных, в частности) партийной организации.

Немало коммунистов в годы ВОВ было исключено из партии и по дискредитирующим причинам. Одним из них и был коммунист Александров М.А., живший в нелегкие времена и совершенно запутавшийся в своих жизненных устремлениях. Дезертировав из партизанского отряда, тем не менее, по материалам его контрольного дела, он, по его личному мнению, искупил свое фактическое дезертирство из партизанского отряда службой в РККА, куда был призван в январе 1944 г. и служил до лета 1945 г. Партийный билет уничтожил, опасаясь за свою жизнь. Или не уничтожил, а спрятал. Свое пребывание рабочим в сельскохозяйственной общине под немецким руководством в станице Кисляковской считал обстоятельством вынужденным, случайным.

Но контрольные органы ВКП(б) придерживались другого мнения. Партийная коллегия Комиссии партийного контроля при Краснодарском крайкоме ВКП(б) де факто обладала серьезными полномочиями, которые, в свою очередь, порождали соответствующую репутацию грозного, прежде всего карающего, внутрипартийного органа. Несмотря на это, в данном случае ее решение об исключении из партии М.А. Александрова в условиях военного времени и первого послевоенного года выглядело и было по сути беспристрастным и справедливым, соответствующим нормам и понятиям об этике поведения коммуниста исследуемого периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усков В.А. Трансформация партийно-государственной системы управления в СССР 1920–1950-х гг.: из опыта органов партийного контроля / В.А. Усков // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2014. – № 2. – С. 168-173.
2. Никонорова Т.Н. Привлечение к партийной ответственности в системе политико-правовых отношений СССР (1919–1952 гг.) / Т.Н. Никонорова // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4(103). – С. 167-173.
3. Тепляков А.Г. «Взгляды, которые мы пропагандировали, часто нелепы...». Послевоенная Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) против инакомыслия «солдат партии» / А.Г. Тепляков // Идеи и идеалы. – 2017. – Т. 1, № 1(31). – С. 97-106.
4. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий; [пер. с англ. глав 1, 2, 6 А.А. Пешкова]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 231 с.
5. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. док-тов и мат-лов / Парт. архив Краснодарского крайкома КПСС. Архивный отдел Исполкома Краснодарского краев. Совета депутатов трудящихся. Государственный архив Краснодарского края. – Краснодар: Книжное изд-во, 1965. – С. 267.

REFERENCES

1. Uskov, V.A. Transformation of the party-state management system in the USSR of the 1920s-1950s: from the experience of party control bodies. V.A. Uskov. Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. 2014. No. 2. Pp. 168-173.

2. Nikonorova, T. N. Bringing to party responsibility in the system of political and legal relations of the USSR (1919-1952). T. N. Nikonorova .Russian Law Journal. 2015. № 4(103). Pp. 167-173.
3. Teplyakov, A. G. "The views that we promoted are often absurd ...". The post-war committee of party control under the Central Committee of the All -Union Communist Party of Bolsheviks against dissent "Party soldiers". A. G. Teplyakov. Ideas and Ideals. 2017. Т. 1, No. 1 (31). Pp. 97-106.
4. Khlevnyuk, O. V., Gorlitsky, J. The Cold World: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship. O. V. Khlevnyuk, Y. Gorlitsky; [trans. from English chapters 1, 2, 6 by A. A. Peshkov]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 231 p.
5. Documents of courage and heroism. Kuban in the Great Fatherland. War of 1941-1945: a collection of documents and materials. Part. Archive of the Krasnodar regional committee of the CPSU. Archival depth. Executive Committee of the Krasnodar region. Council of Deputies of workers. State. Archive of the Krasnodar Territory. Krasnodar: Publishing House, 1965. P. 267.

Информация об авторе: Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко (Краснодар).

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Ivantsov Igor Grigorievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military School. S.M. Shtemenko г. Krasnodar, Russia

Orcid iD: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.04.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Иванцов И.Г. 2023

© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

УДК 94(47+57)

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ АТЕИСТИЧЕСКОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Лобанова Ирина Владимировна,

старший научный сотрудник,

Институт Российской истории Российской академии наук

г. Москва, Россия

e-mail: lobanova_irina@ro.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема выживания церковно-исторической науки России в послереволюционный период и в эпоху СССР. Показаны планомерные действия советской власти, направленные на полное уничтожение духовного образования и жесткое пресечение религиозной пропаганды, которые эффективно разрушили базу, необходимую для продолжения исследований в области церковной науки. Только своевременная отмена запрета для РПЦ открывать духовные школы позволила сохранить преемственность в церковно-исторической науке и создать условия для ее бурного роста в постсоветский период.

Ключевые слова: историография, история РПЦ, церковно-историческая наука, духовные школы в СССР

Для цитирования: Лобанова И.В. Проблемы развития церковно-исторической науки России в условиях атеистического советского государства. Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 15. № 3. с. 69-87

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

Original article

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF CHURCH HISTORICAL SCIENCE OF RUSSIA
UNDER THE CONDITIONS OF THE ATHEISTIC SOVIET STATE**

Irina V. Lobanova,

Senior Researcher,

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

e-mail: lobanova_irina@ro.ru

Abstract. The article deals with the problem of the survival of the church history science in Russia in the post-revolutionary period and in the era of the USSR. The systematic actions of the Soviet authorities are shown, aimed at the complete destruction of spiritual education and the harsh suppression of religious propaganda, which effectively destroyed the base necessary to continue research in the field of church science. Only the timely lifting of the ban for the ROC to open theological schools made it possible to maintain continuity in church history and create conditions for its rapid growth in the post-Soviet period.

Research methods: The work is based on the principles of historicism and scientific objectivity. In the course of studying and summarizing the material, problem-chronological and comparative-historical research methods are also used.

Keywords: historiography, history of the Russian Orthodox Church, church history, theological schools in the USSR.

For citation: Lobanova I.V. Problems of the development of church historical science in Russia under the conditions of the atheistic Soviet state. Historical and socio-educational Idea. T. 15. no.3. . P. 69-87... (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

Методы исследования. В основу работы положены принципы историзма и научной объективности. В ходе изучения и обобщения материала применяются также проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Литература и источники. В статье для раскрытия темы привлекаются все самые важные исследования последних лет, касающиеся проблемы духовного

образования в советской России, а также посвященные судьбам ключевых персон в сфере церковной науки. Наиболее ценными с этой точки зрения являются публикации и статьи Л.К. Александровой-Чуковой, вводящие в научный оборот архив митрополита Григория в миру Николай Чуков» и исследования Л.А. Шилова, много лет возглавлявшего Публичную библиотеку в Петербурге. В статье Лобановой использованы также документы, касающиеся истории подготовки к изданию единственного церковно-научного журнала советского периода – «Богословских трудов», введенные в научный оборот Е.С. Полищук. Мемуары С.А. Волкова и Владимира Степанова (Русака), а также опубликованная Т.А. Богдановой и А.К. Клементьевым переписка профессоров духовных академий содержит важнейшие свидетельства о состоянии церковно-исторической науки в разные периоды советской истории.

Введение. Церковно-историческая наука в России после революции 1917 года лишилась государственной поддержки и получила статус идеологически вредного феномена. Исследования по церковной истории стали не нужны, источники для таких исследований – недоступны, да и публиковать их стало нелегко. Если до революции у Русской православной церкви (РПЦ) было четыре духовные академии, каждая из которых выпускала несколько солидных периодических изданий, где публиковались результаты научных исследований по церковной истории и богословским наукам, то после установления советской власти церковь лишилась и того, и другого. Уже 11 (24) декабря 1917 г. Комиссариат по народному просвещению постановил: «передать из духовного ведомства дела воспитания и образования ведению Комиссариата народного просвещения. Передаче подлежат все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и все другие, носящие различные названия, низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, ассигновками, движимыми и недвижимыми имуществами, т.е. со зданиями, надворными постройками, с земельными участками под зданиями, и необходимыми для школ землями, с усадьбами (если таковые окажутся), с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них и со всем тем, что предназначалось для вышеозначенных школ и учреждений» [5, с. 211-212]. А 23 января (5 февраля) 1918 г. был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», который провозглашал отделение церкви от государства и школы от церкви. Одновременно Народный комиссариат социального обеспечения издал приказ о лишении церкви и служителей культа денежных ассигнований.

Обсуждение. Поставив своей целью уничтожение религии, советская власть обрекла на гибель и церковную науку. Авторы декрета о свободе совести прекрасно понимали, что самый действенный способ борьбы с религиозной «пропагандой» – лишение церкви материальной базы для распространения знания о вере и церкви, поэтому первый удар был нанесен по духовному и религиозному образованию. Правда, представление о методах формирования нового, безрелигиозного, светского общественного сознания было у представителей новой власти разное. Нарком просвещения А.В. Луначарский считал, что «нет ничего пагубнее – создать гонение на церковь, с ней надо бороться орудием создания новой культуры, и она отомрет сама собой» [8, с. 241]. Но победила более практическая точка зрения, которую выразил известный историк-марксист М.Н. Покровский, считавший, что церкви можно разрешить содержать лишь краткосрочные пасторские курсы, а на остальное «не давать ни дома, ни книги, ни рубля» [8, с. 241]. Опубликованная в конце августа 1918 г. инструкция Наркомюста (НКЮ) «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» подтверждала: «Все кредиты на преподавание религии в школах должны быть немедленно закрыты и преподаватели религиозных вероучений должны быть лишены всякого рода довольствия. Здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий, а также церковно-приходских школ, как народное достояние, переходят в распоряжение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов или Народного комиссариата просвещения...» [8, с. 240].

Поверить в такое положение вещей было трудно, и мириться с ним невозможно. Ведь речь шла не только о жизни и судьбах тысяч людей, связавших свою жизнь с фундаментальной наукой и без ученых занятий не мысливших своей жизни, но и о самой науке, которая без духовной школы обречена была на гибель и забвение. Профессор Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский в мае 1918 г. писал: «Положение академии – трагическое. Большевики с января ничего не платят <...>. Теперь уже прямо пишут в бывшую Академию и официально объявляют о скором закрытии, причем все мы увольняемся без пенсий и пособий» [9, с. 121-122]. Преподавательские корпорации и священноначалие РПЦ искали выход из этого тупика. Уже в феврале 1918 г. ректор Петроградской духовной академии вступил в переговоры с руководством Петроградского университета о слиянии двух учебных заведений. Соглашение об этом было достигнуто, причем на выгодных для академии условиях. Инициативу поддержал и Луначарский, который признал, что «целый ряд академических кафедр имеет бесспорно научное значение» [11, с. 108], но уже цитированная инструкция о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства поставила крест на этом проекте. Власть признали невозможным преподавание в университете каких бы то ни было богословских дисциплин.

плин, допускалось лишь создание в перспективе курсов по истории религии и научному атеизму.

19 марта (1 апреля) 1918 г. Совет Петроградской академии получил постановление Комиссариата народного просвещения о том, что «Петроградская Духовная Академия, как таковая, не является потребностью современного государственного строя и подлежит закрытию» [3, с. 270]. Московская духовная академия (МДА) держалась дольше Петроградской. С.А. Волков, поступивший в МДА в самый разгар революции, вспоминал, что регулярные занятия продолжались там, пока применение декрета уточнялось и разъяснялось: студенты писали сочинения и сдавали экзамены. Но по окончании 1917/18 учебного года многие разъехались по домам, и половина учащихся осенью уже не вернулась, потому что началась гражданская война, а с ней разруха, голод и проблемы с железнодорожным сообщением. С перебоями лекции читались и в 1919 году. «Последний 1918/19 учебный год был скоростипно закончен на пятой неделе Великого поста. Экзаменов не было. Кое-кто из профессоров сделал нечто вроде зачета, который обернулся не индивидуальной проверкой знаний, а как бы общей беседой с курсом. Нас распустили, объявив, что мы условно переводимся на следующий курс, а вот будут ли экзамены – покажет осень 1919 года» [4, с. 173-174].

Часть профессоров МДА, перебравшись в Москву, продолжила читать лекции в учебных заведениях, назначенных заменить закрытые советской властью духовные школы. Академик А.И. Соболевский рассказывал в письме Н.Н. Глубоковскому об открытии новой Духовной академии в Москве 3 (16) октября 1919 г.: «Было молебствие, служил патриарх; потом товарищеский завтрак: чай по 100 р. с человека. Говорили речи неинтересного содержания. Помещение на Мясницкой. Две комнаты. Жалованье 1 200 р. в месяц; получает только ректор; профессора получают скромный гонорар только за действительно прочитанную лекцию» [3, с. 273]. Помимо этой академии в Москве в Даниловом монастыре некоторое время существовала богословская школа, организованная бывшим ректором МДА о. Феодором (Поздеевским). В Епархиальном доме в Лиховом переулке с лета 1918 г. действовала также Православная народная духовная академия, которую возглавляли бывший профессор МДА В.П. Виноградов и протоиерей о. Н. Боголюбский. В мае 1920 г. А.И. Соболевский рассказывал Н.Н. Глубоковскому об этом учебном заведении: «Помещение – нищенское. Слушателей около 10; есть духовные; возрасты всякие; в общем впечатление благоприятное. Таким образом, Московская Духовная Академия поместилась в комнатке в библиотеке бывшего Общества любителей духовного просвещения, ныне отделения Румянцевского музея. Командует В.П. Виноградов. Присутствует библиотекарь. Библиотека пополняется». «Пусть горит огонек;

пусть не гаснет он по нашей вине», – добавлял А.И. Соболевский, выражая в этих словах общую горечь и общую надежду на сохранение преемственности в деле церковной науки [3, с. 275].

В Сергиевом Посаде студенты под руководством профессоров частным образом продолжали заниматься на протяжении начала 20-х годов. «Я слышал, что студенты старших курсов как-то “на ходу” сдавали свои экзамены и писали сочинения, чтобы получить степень кандидата богословия, но все это было случайным и непрочным» [4, с. 199], – вспоминал С.А. Волков. Также полулегально продолжали действовать Казанская духовная академия (КазДА), которая просуществовала до весны 1921 г., и Киевская духовная академия (КДА), которая закрылась в 1920 г.

В Петрограде в 1920 г. И.П. Щербов, бывший преподаватель Петроградской духовной семинарии, основал сначала пастырское училище, а затем Богословский институт, куда принимались и женщины. Под обращением к властям с просьбой разрешить создание института подписались такие научные светила, как академики Б.А. Тураев и А.А. Шахматов. Для обеспечения финансирования Богословского института и его организационных нужд было создано «Общество православных приходов Петрограда и его губернии». Все расходы на училище и институт покрывались средствами, собираемыми в основном в храмах Петрограда, вошедших в Общество приходов. Расписание занятий в институте было составлено с учетом того, что студентами были работающие люди. Лекции читались в вечерние часы с 17:30 до 21:00, четыре раза в неделю. По средам проходили публичные лекции. В основу учебного плана института «была положена система образования бывших духовных академий: введены богословские, философские и церковно-исторические, а также ряд новых предметов. В то же время характер преподавания и, в частности, лекций отличался от прежнего: обращалось внимание на внутреннюю, психологическую сторону богословских наук, которая имела бы отношение к религиозно-нравственному опыту слушателей» [1, с. 268].

Первоначально профессора Богословского института получали 250 рублей за 40-минутную лекцию. «Для ориентации в этих цифрах, – замечал по этому поводу ректор института протоиерей Н.К. Чуков (будущий митрополит Ленинградский), – нелишне заметить, что в то время 1 килограмм хлеба расценивался около 750–1000 рублей» [1, с. 278]. Выживать в эти непростые для церковной науки времена профессорам Богословского института помогал «академический паек», который многие из них получали по линии светских научных учреждений, куда им удавалось устроиться. Некоторые из бывших профессоров Петроградской духовной академии нашли работу в Публичной библиотеке, с которой у духовной академии были давние научные связи. Начиная с 1919 г. на службу в

библиотеку поступили около десятка бывших профессоров. П.Н. Жуков – специалист по истории православной церкви в Западной России, член-корреспондент РАН – был принят «начинающим научным сотрудником». И.П. Соколов – профессор кафедры истории западных исповеданий – был зачислен в штат библиотекарем. Д.П. Миртов – профессор истории философии – был взят на должность каталогизатора. И.Г. Троицкий – профессор древнееврейского языка и библейской археологии – числился научным сотрудником и занимал должность заведующего восточным отделением. А.И. Садов – профессор латинского языка и словесности – также был научным сотрудником Публичной библиотеки. А.И. Бриллиантов – профессор истории древней церкви, член-корреспондент РАН – дослужился до главного библиотекаря и должности заведующего отделением. В.А. Беляев – профессор философии и логики – прошел в Публичной библиотеке путь от помощника библиотекаря до главного библиотекаря, заведующего отделением инкунабулов. Недолгое время в библиотеке работал помощником библиотекаря Б.В. Титлинов; он был уволен по причине идеологических разногласий, как обновленец, хотя и со стандартной формулировкой «по сокращению штатов». В.Н. Бенешевич – византист, палеограф, член-корреспондент РАН СССР – был главным библиотекарем и хранителем древнегреческих рукописей. Помимо профессоров в библиотеке в 20-е и 30-е годы работали и бывшие выпускники духовной академии: Н.В. Смирнов, служивший прежде в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода; Д.Н. Якшич, бывший настоятель церкви при дипломатической миссии России в Дрездене; С.М. Лукьянов, бывший обер-прокурором при П.А. Столыпине; магистр богословия М.И. Савваитский [11, с. 116-120].

Таким образом, Публичная библиотека сыграла роль спасительного прибежища для многих сотрудников Духовной академии, помогла им выжить и даже продолжить свои ученые занятия. «Их служба в Библиотеке давала им средства существования в тот период, когда найти другое место работы, особенно для людей, связанных с духовным ведомством, представлялось весьма проблематичным. Состоя в штате Библиотеки, они получали определенные гарантии от мобилизаций на трудовую повинность и общественные работы, от выселений и других мер, направленных против представителей старого режима. Выдаваемые им Библиотекой свидетельства о лояльности уберегали от многочисленных грозивших им неприятностей. Все это, конечно, не давало полных гарантий безопасности, но все-таки многим помогло...» [11, с. 120-121].

Одним из выпускников Богословского института, оставшихся в науке, был Н.Д. Успенский, который уже в 60-е годы опубликовал воспоминания о своем учителе А.А. Дмитриевском, выдающемся литургисте. По свидетельству Успенского, «источником существования Алексея Афанасьевича была та скромная по-

часовая плата, которую он получал за чтение лекций на Богословских курсах. Как действительный член Славянской комиссии Академии наук, он имел некоторые льготы в части оплаты своей комнаты. Кроме того, ему оплачивались доклады, которые он делал по поручению этой Комиссии и Русско-Византийской комиссии. Постоянного жалованья он не имел. На эти средства он мог только “сводить концы с концами”, т. е. платить за квартиру, коммунальные услуги, проезд в трамвае, иметь два раза в день чай и обед, причем в один день только первое блюдо, а в другой – только второе» [12, с. 88-89]. При этом А.А. Дмитриевский был полностью поглощен исследованиями и требовал того же от своего ученика. Поскольку профессорское стипендиатство не обеспечивалось материально, Успенскому приходилось работать. Из-за этого период научной специализации растянулся для него вместо одного до трех лет. Все эти годы Успенский все свободное время проводил у научного руководителя. Если Алексей Афанасьевич работал дома, он сажал за соседний стол своего ученика и давал ему переводить что-нибудь из древних литургических текстов, а после обстоятельно расспрашивал о результатах. Дмитриевский требовал проверять все до единой цитаты в чужих монографиях по первоисточникам, даже если это были работы его собственных учеников. Когда Успенский недоумевал по этому поводу, Дмитриевский сердито отвечал, что и те его ученики тоже были бездельниками, поэтому веры им нет. Если Дмитриевский шел в Публичную библиотеку, он брал Успенского с собой. По просьбе профессора молодому человеку приносили рукописные Требники, Служебники и Типиконы. Тот изучал их, пока Дмитриевский работал над своей рукописью, а затем рассказывал профессору, что нашел в них интересного. Когда районный отдел социального обеспечения отказал А.А. Дмитриевскому в назначении пенсии и предложил взамен бесплатное проживание в доме престарелых, Дмитриевский решительно отказался, потому что это лишило бы его уединения и личной библиотеки, а значит, возможности заниматься наукой. «Он по этому поводу говорил, что ему легче переносить телесную нищету, с которой он с годами уже свыкся, чем духовный голод отсутствия возможности научной работы» [12, с. 88].

Благодаря подвижничеству и профессоров, и учеников, преемственность в науке удалось сохранить. Двадцать лет спустя Н.Д. Успенский стал профессором в возрожденной Ленинградской духовной академии. Тогда же, в 1923 году, Богословский институт был разгромлен и вынужден был закрыться, сделав единственный выпуск в количестве 23 человек. На фоне компании по изъятию церковных ценностей было закрыто Общество православных приходов, на средства которого институт содержался. Нечем стало оплачивать аренду и жалованье преподавателям. Студенты стали бояться, что могут лишиться рабочих мест, если станет известно об их связи с религией; профессора также подвергались опасности быть уволенными из университета, где для многих было их основное

место работы. Помимо этого на руководство института усилилось давление со стороны обновленцев, которые мечтали захватить уже «раскрученное» учебное заведение. В этих условиях Совет института почел за благо принять решение о закрытии самостоятельно.

Ректор Богословского института протоиерей Николай Чуков, впоследствии митрополит Ленинградский, не оставил попыток создать легальную духовную школу и в 1925 г. организовал Высшие богословские курсы в Ленинграде, в которые на основании несколько измененного «Положения о Богословском Институте в Петрограде» и с той же программой были преобразованы Богословские курсы Центрального района Ленинграда. На курсах продолжили свое обучение и получили степени кандидата богословия некоторые бывшие студенты Богословского института и выпускники Богословско-пастырского училища И.П. Щербова. К сожалению, курсы стали центром «иосифлянского движения», выступавшего против всякого компромисса с советской властью. В результате через три года, в 1928 г., вместе с курсами все учебные заведения, имеющие отношение к Московской патриархии, были окончательно закрыты. Протоиерей Николай Чуков и здесь не сдался: составил новый проект и даже получил на его реализацию разрешение властей, но вскоре был арестован и осуществить задуманное не сумел.

Всего через десять лет, к 1939 г., в стране действовало чуть больше 100 храмов, в которых служило около сотни священников. На свободе оставалось только два митрополита и два архиепископа. Все монастыри были закрыты, а 25 областей СССР гордо называли себя «бесцерковными», что означало, что на их территории нет ни одного храма. Внезапные перемены в отношении РПЦ в 1943 г. застали ее в плачевном состоянии. Тем не менее, получив от властей заверения, что духовные школы снова можно открывать, патриарх сразу вспомнил об уже митрополите Григории (в миру Николай Чуков). Все по тому же проекту, что и в 20-е годы, в 1944 г. в Москве открылся Богословский институт и Богословско-пастырские курсы, которые через два года были преобразованы в Московскую духовную академию (МДА) и семинарию соответственно. Так начала воссоздаваться культурная среда, необходимая для возрождения церковно-исторической науки.

В условиях, когда не было книг, когда невозможно было издать учебники, церковную историю и прочие богословские науки преподавать было очень сложно. Библиотеки закрытых еще до войны духовных школ были расхищены, реквизированы, а порой и уничтожены. Религиозные книги сжигали, сдавали в утиль и просто выбрасывали, как это случилось с библиотекой Воронежской духовной семинарии, 17 тысяч томов которой в буквальном смысле выкинули на улицу, чтобы освободить помещение для курсантов [8, с. 244].

Судьбы библиотек Московской и Петроградской духовных академий оказались очень схожи. Обе остались без финансирования, а значит, без отопления, с протекающей крышей и без большинства работников. Сотрудники Петроградской библиотеки сами обратились в Центральный комитет государственных библиотек (ЦКГБ) с просьбой о принятии библиотеки в ведение Комитета, одновременно представив смету на ее содержание за счет государства и проект устава библиотеки. Однако Наркомпросом было принято решение о передаче библиотеки Духовной академии в состав Публичной библиотеки. Это спасло академические книжные богатства от гибели, хотя как отдельное собрание книжный фонд Духовной академии сохранен не был. «В Публичной библиотеке изначально существовало свое, весьма обширное и богатое, Богословское отделение (после революции преобразованное в Отделение культов). Фонды библиотеки Духовной академии, содержавшие не только богословскую, но и историческую, филологическую и философскую литературу, с присоединением к Публичной библиотеке в значительной своей части оказались для нее дублетными. А это предопределило и частичную передачу книг другим библиотекам, хотя массив академических фондов долгие годы сохранялся как отдельное собрание – I филиального отделения Публичной библиотеки. Более того, она пополнялась за счет отбора книг в Государственном Книжном фонде и в других хранилищах. <...> Неблагоприятно сказалась на сохранении цельности собрания библиотеки Академии и предпринятая по ходатайству университета и Союза воинствующих безбожников реорганизация I отделения в антирелигиозное, поскольку фонд отделения мало отвечал новым задачам отделения» [11, с. 115].

Библиотека Московской духовной академии в 1919 г. стала филиалом Румянцевского музея, а потом – филиалом Библиотеки им. В.И. Ленина, куда тотчас же были увезены все рукописи, инкунабулы и вообще все редкие книги. В новый же филиал «были свезены бывшая библиотека самой Лавры и библиотека Вифанской духовной семинарии. Каждая насчитывала несколько десятков тысяч томов, а ядром последней служила уникальная в своем роде библиотека митрополита Платона (Левшина), основателя Вифании, состоявшая из русских и иностранных книг XVIII и начала XIX века» [4, с. 226].

Содержание бывшей академической библиотеке было назначено мизерное, а сотрудников осталось всего двое: заведующий библиотекой К.М. Попов и его жена Ольга Николаевна. «Начиная с 1920 года здание библиотеки уже не отапливалось, зимой в нем стоял страшный холод. Пробыдешь там час или полтора в валенках, в шубе, в перчатках, почувствуешь, что совсем застыл, и выбегаешь греться на улицу... После вьюг и метелей Поповым приходилось откапывать проход в библиотеку; иногда им помогали в этом подоспевшие посетители» [4, с. 222].

Но даже не это было самым губительным для церковной науки. С.А. Волков, которому выпало заведовать 2-й городской общедоступной библиотекой, преобразованной из студенческой библиотеки МДА, рассказывал: «Первое, что от меня потребовали городские власти, – отделить все книги религиозного содержания и связанные с историей Церкви, сложить их в отдельные шкафы, запечатать и никому не выдавать. Читатели могли брать книги исключительно светского содержания – никакого знакомства с богословием, философией и тому подобными предметами теперь не допускалось. Академическая библиотека функционировала на таких же условиях, но, в отличие от моей, была открыта не ежедневно, а лишь три раза в неделю на два–три часа и обслуживала исключительно научных работников и преподавателей средних школ города» [4, с. 219-220].

Неудивительно, что в подобных условиях к тому моменту, когда духовные академии снова были открыты, абитуриентов с должной подготовкой практически не было. Кроме того, власти запрещали принимать в духовные учебные заведения людей с высшим образованием и даже с законченным средним. Поэтому «в семинарии брали всех, кто мог прорваться через препоны местных органов Советской власти. Как только на местах узнавали, что юноша готовится поступать в семинарию, его вызывали в военкомат на сборы, “теряли” паспорт абитуриента, отказывались делать выписку с места жительства и т.д. Митрофорный протоиерей Григорий (Ковальский), который учился в то время в Жировицкой семинарии, вспоминал, что приходилось чуть ли не за полгода выписываться из своего дома к каким-нибудь родственникам, затем прописываться недалеко от семинарии у добрых верующих людей. Все это делалось нелегально, под страхом уголовного преследования и тюрьмы» [2, с. 83].

Тем не менее условия если не для расцвета, то хотя бы для сохранения церковной науки у РПЦ появились. Не хватало только серьезного научного журнала, поэтому сразу после войны в 1946 г. была сделана попытка восстановления «Богословского вестника» (БВ), который до революции был печатным органом МДА. В сохранившемся проекте обращения редакции к читателям предполагаемого первого номера БВ говорилось: «В связи с преобразованием Православного Богословского Института в Московскую Духовную академию естественно возник вопрос о возобновлении издания академического журнала “Богословский Вестник”. Вытекая из исторической преемственности, необходимость этого издания подтверждается высоким положением возрожденной Академии в Православном мире, в котором она является почти единственным рассадником высшего богословского образования. А славное прошлое Московской Академии, воспитавшей целый ряд выдающихся деятелей Церкви и богословской науки, при наличии огромного тяготения к русской Церкви зарубежных Православных

Церквей, возлагают на академию высокую миссию быть средоточием научно-богословской мысли всего мирового православия. В свете этой миссии задачи “Богословского Вестника” трудно мыслить вне той просветительской деятельности, которую призвана осуществлять возрожденная Московская Духовная академия. Будучи ее органом, журнал имеет в виду отражать жизнь и развитие богословской науки, осуществляя право и способность верующего разума “углубляться в тайны мира духовного и возвышаться к познанию Божественной Истины под руководством Отцов Церкви”» [7, с. 377]. Авторы обращения рассчитывали, что БВ возродит «лучшие традиции прежних лет: церковность, научную строгость и православный дух» [7, с. 377].

Поскольку послабления государства в отношении РПЦ во время и сразу после Великой отечественной войны были связаны с внешнеполитическими задачами советского государства, рассчитывавшего использовать авторитет церкви в своих целях, именно этот аргумент пустили в ход церковные политики в качестве одного из основных в пользу своего проекта. Авторы обращения выражали надежду, что БВ «привлечет к себе большое внимание церковной общечественности Православного Востока, Балканских и других стран». Редакция намеревалась «печатать в журнале такой материал, который поможет ему стать выразителем идей и чаяний Вселенского Православия, наиболее полезных Христовой Церкви и нашему Отечеству» [7, с. 378]. Редакция БВ планировала, помимо прочего, церковно-исторический отдел, в котором должны были размещаться «статьи, освещающие отдельные проблемы истории Христианской Церкви и русской церковной истории». Сообщалось, что «к этому же отделу должна примыкать история русской религиозной мысли, впервые введенная в план Духовной академии» [7, с. 378].

Тем не менее, в 1946 г. возобновить издание «Богословского вестника» не удалось. Следующая попытка получить разрешение на издание серьезного альманаха для публикации материалов не информационного, а научного и философского характера была предпринята в 1953 г. Патриарх Алексий I обратился в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР. И в этом письме патриарх Алексий снова обращался к «внешнеполитическому» аргументу для обоснования необходимости для церкви иметь академическое периодическое издание. Это обуславливалось запросом самой власти на усиление международного влияния РПЦ, которое позволило бы использовать церковные структуры для реализации целей государственной политики за рубежом. Патриарх писал, что «наша заграничная паства требует постоянного руководства и духовного окормления и что заботы Русской Церкви должны простираться на заграничных раскольников с целью привлечения их к церковному единству» [7, с. 380]. Патриарх указывал,

что в этом интересы церкви и государства совпадают. Но для выполнения этой миссии, по словам патриарха, РПЦ не хватало печатного органа, посредством которого церковь могла бы влиять на зарубежную паству и утверждать свой престиж в глазах вселенского православия. «Дело в том, – говорится в письме патриарха в Совет по делам РПЦ, – что до известного времени весь православный мир признавал за Русской Церковью первенство в области богословских наук, чему способствовали, главным образом, прежние духовные академии. Их богословские труды регулярно публиковались в специальных ежемесячных журналах. Печатались также все магистерские и докторские диссертации. Множество догматических, церковно-исторических и канонических исследований распространялось в разных периодических и непериодических изданиях. Словом, Русская Церковь была средоточием богословской науки и вполне естественно, что русская богословская мысль оказывала огромное влияние на все автокефальные Православные Церкви; живейший отклик находила она и в инославной среде. Сила этого влияния была столь значительна, что мы пользуемся ею до сего времени. Но жить остатками прошлых достижений нельзя, потому что церковная жизнь требует ответа богословской мысли на запросы современности, требует развития этой мысли. Нам нужно располагать сильным оружием в защите Православия, мира, Родины и в делах междуцерковных. С возрождением у нас духовных школ, в том числе и двух академий, появилась надежда на возрождение русской богословской науки. Итоги восьмилетней работы академий в известной степени оправдывают эту надежду. Но дело в том, что наши академии, в лице старых и новых богословских сил, не имеют возможности показывать свои достижения, так как у нас нет органа для их опубликования. Вполне естественно, что заграничные церковные круги расценивают это обстоятельство крайне невыгодно для нас. Отсутствие богословских изданий у Русской Церкви они объясняют либо полным оскудением богословской мысли, либо запретом советской власти.

Нечего и говорить, как подрывается такими суждениями авторитет Русской Церкви и наше церковное дело за границей. И действительно, – в то время, как Болгарская, Румынская, Сербская, Элладская и другие поместные Православные Церкви, – не говоря уже о католиках и протестантах, – издают богословские журналы, солидные богословские ежегодники и различные монографии, Русская Церковь оказывается в этом отношении совершенно безоружной. Поэтому нам трудно руководить своей заграничной паствой, чрезвычайно трудно вести борьбу с эмигрантским церковным расколом и еще труднее принимать участие в делах междуцерковных.

Исходя из этих фактов и полагая, что прочность наших церковных пози-

ций в различных странах не противоречит интересам нашего Государства и даже помогает ему, я решил обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви с просьбой – возбудить перед соответствующими государственными инстанциями ходатайство о предоставлении Московской Патриархии права и возможности периодически издавать сборник трудов двух наших духовных академий. Этот сборник должен состояться из статей наших богословов и церковных деятелей на догматические, церковно-исторические, канонические и другие богословские темы, тесно связанные с церковной действительностью и с запросами церковного сознания. В сборник должны входить также авторефераты лучших кандидатских, магистерских и докторских диссертаций или же отрывки из них.

Учитывая наши возможности и нужды, объем сборника желательно установить в 20–25 печ. листов, тираж – 5000 экземпляров и периодичность – две книги в год. Читательская среда, для которой сборник предназначается, – наставники и воспитанники духовных школ, православное духовенство и заграничные церковные круги, как православные, так и инославные» [7, с. 380-381].

Цели и задачи предполагаемого издания сформулированы в этом письме очень четко: указана аудитория, на которую оно ориентировано, и источники бесперебойного пополнения редакционного портфеля. Однако для государства на тот момент церковь перестала быть ценным игроком во внешнеполитических делах, власть успела уже разочароваться в проекте создания из РПЦ центра вселенского православия, но продолжала использовать ее в экуменическом движении и как рупор для пропаганды ведущей роли СССР в деле разоружения и мирной политики. Инициатива патриарха осталась без ответа, и только спустя четыре года было получено разрешение на подобное издание.

В январе состоялось учредительное заседание редколлегии журнала, которому было дано рабочее название «Научный Богословский сборник». Первоначально было запланировано, что сборник будет издаваться дважды в год, объемом 20 печатных листов и тиражом в 3000 экземпляров. Предполагалось, что сборник будет содействовать развитию церковной науки в духовных академиях и демонстрировать достижения богословской мысли внешнему миру.

Наполнять журнал планировалось, публикуя оригинальные курсы лекций, диссертации и статьи преподавателей и студентов духовных школ, а также обзоры книжных и журнальных новинок, поступающих в Отдел внешних сношений МП и в библиотеки духовных академий. Члены редколлегии предлагали издать труды уже покойных исследователей и привлечь к работе редакции церковных ученых, проживающих в эмиграции: Л.А. Успенского, В.Н. Лосского, свящ. Василия Кривошеина.

В процессе дискуссии о направленности журнала члены редколлегии высказались о своем понимании вопроса. Так, А.В. Ведерников настаивал на том, чтобы в материалах журнала раскрывались в первую очередь положительные ценности и глубина православного мировоззрения и вероучения, что злободневность и полемичность противоречат задачам издания [7, с. 385-386]. Профессор протоиерей А. Ветелев предположил, что практические вопросы церковной жизни (например, вопрос «общей» исповеди) тоже могут освещаться на страницах журнала, но в научном аспекте, как предмет богословского и исторического исследования.

Первый том решено было подготовить к 1 июня 1957 г. Но снова вмешалась политика¹, и первый номер журнала вышел в свет летом 1960 г. (на титуле был указан 1959 г.). Из материалов, намеченных к публикации на первом заседании редколлегии, в номер вошли только две статьи: профессора Н.Д. Успенского по литургике и протоиерея А. Сергеевского об истории старокатолического движения. Задачи издания были обозначены в обращении редакции к читателям следующим образом: «Цель издания – раскрывать для религиозного сознания духовные сокровища Православия; знакомить богословские круги братских православных церквей и других христианских исповеданий с достижениями нашей отечественной богословской мысли; способствовать расширению богословского кругозора питомцев наших духовных школ и духовенства Русской Православной Церкви; развивать обмен опытом и знаниями между нашими богословами и вообще содействовать богословскому творчеству в Русской Церкви. На страницах сборников будут печататься работы, посвященные вопросам догматического и нравственного богословия, церковной истории, литургики, патрологии, церковного искусства и другим проблемам, связанным с жизнью Православной Церкви и запросами религиозного сознания» [6, с. 5].

В течение долгих лет «БТ» оставались единственным научным церковным изданием, поэтому разброс тем в нем был весьма велик: догматическое и нравственное богословие, патрология, церковная история, литургика, церковное искусство и прочие церковные дисциплины. Больше всего – порядка 70 статей – было опубликовано в журнале по истории Русской церкви и общей церковной истории. «Большой удельный вес работ по истории Русской Церкви был обусловлен подготовкой к празднованию юбилея 1000-летия Крещения Руси. Особенно много работ по этой теме было опубликовано в сб. № 28, большая часть

¹ Назначенный ответственным секретарем редколлегии инспектор Ленинградской духовной академии профессор и протоиерей А. Осипов в декабре 1959 г. публично отрекся от веры и церкви, после чего был лишен сана патриархом Алексием I. Это, безусловно, затормозило работу по подготовке к изданию «Богословских трудов».

которого состояла из материалов посвященной юбилею Международной церковно-исторической конференции (Киев, 21–28 июля 1986 года)» [7, с. 396].

Разумеется, все материалы, публикуемые в «Богословских трудах», проходили жесткую цензуру. Владимир Степанов (Русак), работавший в Издательском отделе МП в 70-е годы, вспоминал: «Совет¹ не только дает те или иные “редакторские” рекомендации. Советом постепенно определено и все построение журнала, в котором собственно церковно-историческим событиям отведена, в лучшем случае, треть журнала. Остальное – миротворчество, экуменизм. Церковно-полезная площадь покупается за счет государственно-полезной» [10, с. 22]. В этом контексте само наименование отдела «издательским» казалось ему насмешкой. «Фактически – это редакционная группа. Какой же он издательский, если у него нет типографии, и он ничего не издает, а только проводит редакционную обработку материалов» [10, с. 15]. Раскрывает Степанов (Русак) и некоторые секреты, позволяющие пройти цензуру без потерь: поменьше употреблять слово «духовенство», ни в коем случае не писать «архиерей благословлял народ», не прилагать к публикации фото, где есть дети, о храмах в новых городах вроде Комсомольска-на-Амуре не упоминать. Впрочем, и в таких, весьма жестких, рамках «Богословские труды» выполняли свою функцию поддержания научной традиции, что позволило уже в новых политических условиях расцвести церковно-исторической науке по-настоящему.

Заключение. После революции 1917 года научная традиция высшей духовной школы была насильственно прервана. По инерции исследования и подготовка молодых ученых продолжались на протяжении 20-х годов, но с уходом из жизни или эмиграции многих авторитетных исследователей и преподавателей богословских и церковно-исторических дисциплин, а также вследствие полного уничтожения духовного образования, развитие церковной науки полностью прекратилось. Библиотечные фонды духовных школ были реквизированы или же разорены, фундаментальные труды дореволюционных ученых стали недоступны. Но даже после такого масштабного разгрома в церкви сохранились кадры, способные вернуть научную традицию к жизни. После открытия в 1944 г. с дозволения властей Богословского института, преобразованного затем в духовную академию, и до конца 80-х годов XX в. новая ученая корпорация собирала по крупицам, хранила и приумножала наследие богословской научной традиции, что способствовало новому взлету церковной науки и активному росту числа церковно-исторических исследований в 90-е и начале 2000-х.

¹ Имеется в виду Совет по делам РПЦ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова-Чукова Л.К. Богословский институт в Петрограде (1920–1923 гг.) как первый этап на пути восстановления духовных школ в виде академий и семинарий // Вестник церковной истории. – М., 2020. – № ¾ (59/60).
2. Алешин А.А. Проблемы развития духовного образования на страницах «Журнала Московской Патриархии» в период Великой отечественной войны и первые послевоенные годы. 1943–1948 годы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 8(337). История. – Вып. 59.
3. Богданова Т.А., Клементьев А.К. Письма профессоров Московской духовной академии профессору Петроградской духовной академии Николаю Никаноровичу Глубоковскому (1902–1921 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2021. – № 35.
4. Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. – М., Издательство гуманитарной литературы, 2000.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
6. От издательства // Богословские труды. Сб. 1. – М., 1959.
7. Полищук Е.С. Сборник «Богословские труды» (предыстория, история и обзор содержания вышедших номеров) // Богословские труды. Сб. 38. – М., 2003. Издательский Совет Русской Православной Церкви.
8. Попова О.Д. Советская власть и духовно-учебные заведения Русской православной церкви // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008.
9. «“Род ученых” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.) / вступ. ст., публ. и прим. Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2015. – № 3(11).
10. Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. – Т. 2. – М., 1993.
11. Шилов Л.А. Очерки по истории Российской национальной библиотеки / сост.: Л.Б. Вольфцун, Г.В. Михеева; науч. ред. Г.В. Михеева. – СПб., 2008.
12. Успенский Н.Д., проф. Из личных воспоминаний об А.А. Дмитриевском // Богословские труды. – М., 1968. – Вып. 4.

REFERENCES

1. Aleksandrova-Chukova L.K. The Theological Institute in Petrograd (1920–1923) as the first stage on the path of restoring theological schools in the form of academies and seminaries. Bulletin of Church History. Moscow, 3/4(59/60)/2020.

2. Aleshin A.A. Problems of the development of spiritual education on the pages of the "Journal of the Moscow Patriarchy" during the Great Patriotic War and the first post-war years. 1943–1948. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 8 (337). Story. Issue. 59.
3. Bogdanova T.A., Klementiev A.K. Letters from professors of the Moscow Theological Academy to Professor of the Petrograd Theological Academy Nikolai Nikanorovich Glubokovsky (1902–1921). Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary. 2021. No. 35.
4. Volkov S.A. Near the monastery walls. Memoirs. Diaries. Letters. M., "Publishing house of humanitarian literature", 2000.
5. Decrees of the Soviet power. T. 1. 25 Oct. 1917 - March 16, 1918 M., 1957.
6. From the publishing house. Theological works. Sat. 1. M., 1959.
7. Polishchuk E.S. Collection "Theological Works" (prehistory, history and review of the content of published issues). Theological Works. Sat. 38. M., 2003. Publishing Council of the Russian Orthodox Church.
8. Popova O.D. Soviet power and spiritual and educational institutions of the Russian Orthodox Church. Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2008.
9. The kind of scientists" will not perish in the world" (correspondence from two capitals of Professor N.N. Glubokovsky and Bishop Vasily (Bogdashevsky) 1917–1921). entry. Art., publ. and approx. T.A. Bogdanova and A.K. Klementyev. Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary. 2015 No. 3 (11).
10. Stepanov (Rusak), Vladimir. Prosecution evidence. Volume 2. M., 1993.
11. Shilov L.A. Essays on the history of the Russian National Library. comp.: L.B. Wolfzun, G.V. Mikheev; scientific ed. G.V. Mikheev. SPb., 2008.
12. Uspensky N.D., prof. From personal memories of A.A. Dmitrievsky. Theological works. Issue. 4, M., 1968.

Информация об авторе: Лобанова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, ученый секретарь Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН.

Москва. ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292.

E-meil: lobanova_irina@ro.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Lobanova Irina Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Scientific Secretary of the Center for Historical Science of Russia at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Moscow. st. Dmitry Ulyanov, 19, 117292.
E-meil: lobanova_irina@ro.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 12.05.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-88-108

УДК:94

**ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1920–1930-е годы)
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Чжин Сил

Центр «Историческая наука России»

Института российской истории Российской академии наук,

г. Москва, Россия / г. Чон-Чжу, Южная Корея

e-mail: Jinsilci@naver.com

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается вопрос о роли и месте этнических меньшинств советского Дальнего Востока в контексте внутренних миграционных процессов 1920–1930-х годов, выявляются степень разработанности этой темы в зарубежной историографии, трактовка учеными причин возникновения миграций, их роли и места в преобразовании таких направлений развития той или иной государственности, как система экономики, культура в жизни народов других государств.

Ключевые слова: историография, миграция, этнические меньшинства, переселенческая политика, Дальний Восток

Для цитирования: Чжин Сил Проблема миграции этнических меньшинств Дальнего Востока (1920–1930-е ГОДЫ) в зарубежной историографии / Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 3. С. 88-108...
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-88-108

Original article

**THE PROBLEM OF MIGRATION OF ETHNIC MINORITIES
OF THE FAR EAST (1920-1930s) IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

JIN SIL

Center for «Historical Science of Russia»;
Institute of Russian History;
Russian Academy of Sciences
Russia Moscow/ Jeongju City, South Korea
e-mail: Jinsilci@naver.com

Abstract. The proposed article deals with the issue of the role and place of the ethnic minorities of the Soviet Far East in the context of internal migration processes of the 1920–1930s, reveals the degree of development of this topic in foreign historiography, the interpretation by scientists of the causes of migrations, their role and place in transformation of such directions of development of this or that statehood as a system of economy, culture in the life of the peoples of other states.

Keywords: historiography, migration of ethnic minorities, resettlement policy, Far East.

For citation: Jin Sil The problem of migration of ethnic minorities of the Far East (1920-1930s) in foreign historiography / Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 3. P. . 88-108.. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-88-108

Введение.

Всестороннее понимание причинно-следственных связей в процессе миграции этнических меньшинств, происходивших на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах, позволяет представить общую картину социальных трансформаций, происходивших в Союзе ССР, проанализировать частоту мероприятий, их причины, а также определить важную роль Дальнего Востока как региона в этом контексте, территорию, выступавшую одним из восточных коридоров различного вида миграции населения Юго-Восточной Азии в советскую страну.

Значительное влияние на миграцию этнических меньшинств на территорию Дальнего Востока Союза ССР оказывали в первую очередь происходившие социальные процессы, связанные с усилением властных режимов, резких изме-

нений в политике со стороны местных властей, приводивших к ухудшению положения граждан, их жизненных условий, связанных с безработицей, голодом, разного рода природными и техногенными катастрофами (наводнения, пожары и прочее).

Эти факторы были характерными и для последующих периодов развития государств Юго-Восточной Азии, именно с территории которых и осуществлялся исход потоков мигрантов, в том числе представителей этнических меньшинств. В особенно сложных социально-экономических условиях оказывались этнические меньшинства, как слабо организованные группы населения. Для них были характерными низкий уровень этнической мобильности, безграмотность, трудное социальное положение, особенно в условиях революций, войн, столкновений на межэтнической почве.

Трансформации были характерными и для отдельных периодов развития социалистического строительства в Союзе ССР, и для периода его распада, сопровождавшегося резким изменением условий жизни, форм и методов управления государством, осуществлением государственной политики, в первую очередь в совершенствовании межэтнических отношений и воспитании культуры межэтнического общения. Не всегда могли этнические меньшинства своевременно адаптироваться к новым условиям и интегрироваться в социум, изменяющемуся по тем или иным причинам.

За последние десятилетия наблюдается заметное продвижение в изучении проблемы миграции этнических меньшинств и вообще в изучении истории этнических меньшинств на Дальнем Востоке. При этом стал реальным рост внимания к этой проблеме во многих региональных научных центрах, испытывающих нехватку рабочих ресурсов, что особенно характерно для регионов Дальнего Востока, как территории с бурно развивающейся экономической системой.

К изучаемой теме обращаются не только историки, но и социологи, политологи, психологи, выступающие за более активное вовлечение этнических меньшинств в решение государственных проблем системы экономики (ресурс рабочей силы, активное участие в управлении государством, в первую очередь на местном уровне, несение службы по защите государства, создание условий для обеспечения безопасности и государства, и региона, и семьи). В современных условиях востребованность в более глубоком изучении этой проблемы очевидна. Она продолжает привлекать внимание не только стран Юго-Восточной Азии, в частности Вьетнама, но и граничащих с Дальним Востоком Южной и Северной Корей, Китая, Казахстана и других стран Средней Азии. К ней проявляют интерес ученые и практики западных государств. Она рассматривается также на различных международных и государственных форумах.

Почему для исследования выбран период именно 1920–1930-х годов? Это объясняется тем, что в условиях советского периода, времени укрепляющейся и развивающейся новой государственности, все было впервые. В связи с этим важно рассмотреть конститутивный момент этих социальных явлений, включая миграцию, ее проявление в новых условиях, формы преодоления трудностей обустройства мигрантов в государстве, решение других сопутствующих социальных проблем.

В связи с этим в предлагаемой статье поставлена цель обобщить результаты и определить степень изучения зарубежными учеными проблемы эмиграции малочисленных народов, проживавших в 1920–1930-х годах на территории Дальнего Востока, то есть до периода их принудительной миграции.

Методы исследования. В ходе изучения научных трудов по проблеме основное внимание было сосредоточено на анализе работ историков Республики Корея, Китая, Японии, отдельных стран Запада. При этом автор использовал известные и распространенные методы исторического исследования, в числе которых: метод хронологического изложения материала применительно к каждому блоку из затрагиваемых научных работ; метод альтернативы, позволяющий выявить особенности изучения проблемы в разных государствах, а также метод историко-сравнительный, позволяющий представить демонстрацию различий и сходства в изучении проблемы миграций, выяснения их причин возникновения; метод синхронизации при показе поэтапных изменений в изучении темы. Занимаясь исследованием столь многогранной проблемы, автор прибегал и к использованию, в частности, идеографического (нарративного) метода, позволяющего представить самих зарубежных авторов.

Результаты. В статье автором комплексно представлена историография названной проблемы. Дана характеристика научных трудов, опубликованных историками Республики Корея, Китая и Японии, а также значимые исследования по проблеме в российской историографии, в отдельных трудах историков западных стран. Раскрыты специфика изучаемой проблемы, особенности межрегиональных миграций, причины их возникновения, а также их основное предназначение и роль в развитии экономик принимающих мигрантов государств, возрождении национальных культур.

Цель исследования заключается в изучении как текущей ситуации, так и повторного акцентирования на необходимости международного понимания и исследования проблем малочисленных народов Дальнего Востока. Для этого можно рассматривать проблему в дух плоскостей: по странам и по временным периодам. Хотя полезным было бы использовать оба подхода, так как результаты исследования слишком объемны. Целью данной статьи

выступает и изучение представительных потоков мигрантов, и исследование их истории по государствам, их регионам, в которых исследование проблемы остается в числе приоритетных¹.

В конкретном случае рассматривается вопрос о роли зарубежной историографии, о группе историков и политологов, сосредоточившихся в своих трудах на изучении истории этнических меньшинств Дальнего Востока.

Обсуждение.

В середине 1950-х годов западные ученые начали активно публиковать научные труды, содержащие информацию о национальных меньшинствах Дальнего Востока. Так, исследователь истории периода холодной войны В. Коларз изучал принудительную миграцию на Дальний Восток, как регион, на территории которого именно через политику национального самоопределения, нацестроительства решался вопрос и этнических общностей, включая малочисленные меньшинства, проживавшие на территории, рассматриваемой в статье. Он также высказал новую точку зрения о причинах принудительной миграции, связав ее с политикой урегулирования конфликта между русскими и корейцами в период коллективизации [26].

В 1960-х годах зарубежные исследователи подготовили ряд специальных научных статей и монографий, посвященных изучению истории прошлого, современной повседневности народов Дальнего Востока Советского Союза.

Профессор Джон Стефен (Гавайский университет) опубликовал новое исследование, в котором содержатся статистические данные о китайцах, корейцах и японцах на Дальнем Востоке России, а также представлено описание процесса советизации корейцев в период с 1917 по 1937 г. Для своего научного труда, выводов Д. Стефен использовал многочисленные источники, включая статьи уже известного к этому времени корейского ученого Ким Сынхва [16; 17].

В Центре корейских исследований при Гавайском университете состоялась научная конференция на тему «Корейцы в Советском Союзе». Резюме этого форума было опубликовано в виде сборника статей. Под редакцией профессора Сео Дэ-сука в 1987 г. эта книга (англоязычный вариант) была издана Гавайским университетом. Она представляет собой тезисы, подготовленные корейско-американскими учеными (Сео Дэ-суком, Шин Ён-джа), а также известными японскими учеными (Вада Харуки, Хара Териюки и Кимура Хидэсукэ) [27].

¹ Сайт поиска материалов: США – <http://www.jstor.org/search/>; Корея – <https://academic.naver.com/>, www-riss-kr; Япония – <https://cir.nii.ac.jp/>, <https://www.ndl.go.jp/>; Китай – <https://www.cnki.net> (дата обращения: 19.05.2023). и др.

Профессор Ко-Сонму (Хельсинский университет) изучал главным образом проблему появления корейцев в Российской империи, их насильственного переселения в Казахстан. Книга автора была опубликована в Республике Корея. Исследователи темы использовали опубликованные Ко-Сонму сведения как основной материал по истории сообщества советских корейцев [25].

Привлекает внимание исследование вопросов национальной политики Советского Союза в 1920–1930-е годы, в том числе на Дальнем Востоке, в изданном научном труде Томасом Мартином. По нашему мнению, Т. Мартин является наиболее последовательным и авторитетным из зарубежных авторов. Им представлены обоснованные выводы и суждения по разным направлениям советской национальной политики, особенно по вопросу о сущности и причинах проявления национализма.

Мартин исследует также противоречия, присущие национальной политике, в которой проявляется одновременно и исследование советской национальной политики, и ее практическое воплощение. Мартин обращает внимание на противоречия, присущие советской национальной политике, в которой проявляются стремление способствовать росту и самосознания, и национального сознания граждан, в том числе этнических меньшинств, когда одновременно целевые установки на поддержку культур народов сопрягаются с необходимостью спонсировать национально-освободительное движение в соседних странах, устраняя при этом всякое иностранное влияние на многие национальные сообщества (диаспоры) Советского Союза [55].

В качестве последовательного исследователя истории этнических меньшинств на Дальнем Востоке можно отметить и Фортиса Джеймса. В 1994 г. в рамках истории Восточной Сибири и российской истории Дальнего Востока он опубликовал книгу, в которой констатирует положение мигрантов из Восточной Азии, а также коренных народов в связи с этнической составляющей региона. В этом же научном труде рассматривается сущность национальной политика СССР в 1920–1930-е годы, а также раскрывается социальное положение каждого из этнических меньшинств [12].

В 2001 г. канадский лингвист Росс Кинг занялся изучением положения корейцев, в частности в Благовещенске Амурской области (на 1911 г. проживало 383 человека). На основании литературных записей того времени им рассматривался процесс развития корейцев в относительно обособленном состоянии от основных корейских поселений в Приморье, а также казахов, частично сосуществовавших на территории с корейцами [33].

Репрессии сталинского периода были в центре внимания Джеймса Харриса. В 2013 г. он исследует в своем научном труде не только вынужденную миграцию корейцев, но и притеснения, и чистки этнических меньшинств в сталинскую эпоху, а также их причины [18].

Джон К. Чанг, доктор философии по истории России и СССР (Манчестерский университет) опубликовал в 2016 г. всеобъемлющий труд о «русских корейцах» России и Советского Союза 1860–1940-х годов. В главах 3–6 он резюмирует, что корейцы Дальнего Востока России постоянно рассматривались в царский и советский периоды как «проблемная и оклеветанная национальность» (этническая общность). Он утверждает, что царское влияние проявлялось в различных формах русского национализма и мировоззрения, ослепивших сталинский режим и не позволявших увидеть в корейцах «лояльных советских граждан». На практике корейцев представляли как «колонизируемый элемент (рабочую силу с неизвестной и непостижимой политической лояльностью)» [20].

В 2021 г. профессор Марк Камса (Тель-Авивский университет в Израиле) рассматривал перемещения (миграцию) населения через р. Амур и р. Уссури на границе между Россией и Китаем. Автор анализируется история пересечения границы в этом регионе после обретения Россией Приамурья и Приморских провинций от Цинской империи в 1860 г. до настоящего времени с акцентом на 1920–1930-е годы. В первой части статьи показано, что «движение людей (переселенцев, трудовых мигрантов, беженцев) через две речные границы шло в обоих направлениях» [30].

В последние годы, проведенные в Университете Британской Колумбии (Канада), Ольга Белоконь защитила диссертацию, в которой, в частности, сравнивалась деятельность кампаний по распространению грамотности среди корейцев на Дальнем Востоке России с кампаниями, решавшими эту житейскую проблему применительно к другим этническим группам в Советском Союзе [8].

Изучение проблемы в историографии Республики Корея

Историей российских корейцев занимается также ряд исследователей в Южной Корее. В большинстве их научных трудов внимание направлено на раннюю миграцию корейцев на территорию Российской империи, а также на историю движения за независимость под властью Японии с исторической точки зрения, в рамках уже осуществлявшейся сталинской принудительной миграции. Было проведено множество научных исследований, касающихся выявления причин принятия подобных акций, развития процессов, определения правового статуса, вида миграции и др.

По нашему мнению, исследования вынужденной миграции корейцев постоянно проводятся в академической среде ученых. Очевидно стремление самих исследователей рассматривать нацию, людей и идентичность прежде всего путем глубокого анализа причин принятия таких акций, процесса их осуществления, выявления правового статуса вынужденной миграции, их вида, а также

политики в соответствии с этими причинами. Однако, несмотря на эти различия в подходах в изучении корейцев Приморской провинции в 1920–1930-х годах, как утверждают ученые-предшественники, исследований «все еще недостаточно» [6; 19; 32; 34].

Корейские ученые обращают внимание конкретно на советский Дальний Восток 1920–1930-х годов. Заметно их стремление ответить на вопросы, каким образом протекал период реорганизации корейского сообщества в социальном, культурном и экономическом отношении в условиях советского режима, установившегося после русской революции 1917 года, а также последовавшей Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В связи с этим просматривается их интерес к демографическим характеристикам этнических меньшинств на Дальнем Востоке в 1920 г. В связи с этим демонстрируется сам процесс формирования корейского общества, включавший возрождение жизни корейских иммигрантов при советском режиме в 1920-е годы. В этой связи особую ценность приобретает и анализ реакции Советского правительства на эти изменения. Кроме того, в работах ученых содержатся сведения о характере «земельного вопроса», составлявшего основу благополучия и сносного проживания корейского сообщества, в том числе прибывающих на территорию Дальнего Востока мигрантов 1920-х годов.

Первым исследованием в корейском научном сообществе был труд, в котором российские корейцы были признаны академическим предметом. Это была обобщающая книга «История корейских переселенцев и эмигрантов», опубликованная Хён Гю-хваном в 1967 г. В труде констатируется, что достижения в документировании истории корейской иммиграции с помощью данных из третьих стран в период холодной войны заложили основу для дальнейших исследований корейцев. Данные касались общего иммиграционного процесса с использованием сведений за 1910–1920-е годы, но не затрагивали описания условий жизни [15].

С середины 1980-х годов национальная политика Союза ССР в отношении советских корейцев и истории жизни корейских эмигрантов Дальнего Востока коренным образом меняется, усиливается внимание к этой проблеме, ее изучению. Корейские ученые, активно используя российские данные, попытались продемонстрировать в своих работах более конкретные аспекты из жизни корейцев, в частности такие как экономика, образование, религиозный фактор – вероисповедание.

В рамках исследования, связанного с сельскохозяйственной коллективизацией корейцев на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах, следует упомянуть работы Ли Че Муна [28], Бан Бён-юля [4], Хонг Унг-хо [14] и других ученых. Период исследования охватывает события, связанные с русской революцией

1917 г. и началом сельскохозяйственной коллективизации до 1937 г., когда была осуществлена принудительная миграция.

Основное внимание в трудах ученых уделяется периоду с 1929 г., когда была проведена тотальная коллективизация, до 1934 г., когда завершился процесс коллективизации корейцев. Очевидно, научные труды нацелены главным образом на изучение процесса коллективизации корейцев, участия в сельхозпроизводстве. Акцент был направлен на показ роли колхозов в преобразованиях аграрного сектора. Так, Ли Че Мун, анализируя события этого периода, учитывает прежде всего фактор участия в коллективизации корейцев в этих сложных социальных условиях, когда приходилось преодолевать еще и проблему расовой дискриминации между русскими и корейцами [28].

С начала 2000-х годов были изданы и другие исследования, посвященные корейской общности на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах, в частности на основе материалов газеты «Сонбон». Конечно, газетные материалы содержали сведения об этом процессе, исходившие из государственных структур власти, курировавших подобное направление в жизни Дальнего Востока в период с 1923 по 1937 г. и представлявшие собой особо значимый информационный источник. Здесь же были материалы с ответами на возникавшие вопросы со стороны корейских иммигрантов того времени. Исследование данных «Сонбон» стало определенным вызовом для российских ученых, так как газета публиковалась на корейском языке. Правда, в последующем и эта проблема решалась с помощью ученых историков из корейцев, трудившихся в сфере науки Союза ССР.

Бэ Ын Гён провел исследование, посвященное разнообразной культурной жизни (фольклор, традиции, обычаи дальневосточной корейской общины), используя при этом материалы газеты «Сонбон» [1; 2; 3]. Бан Бён-юль также, используя сведения, публикуемые на страницах названной газеты, изучал многие стороны жизни корейского сообщества на Дальнем Востоке [5].

Профессор Юн Сан-Вон (Университет Чон-Чжу) занимался проблемой восприятия корейцами национально-освободительного движения, событий, связанных с «Движением 1 марта», в том числе материалов, опубликованных в газете «Сонбон» [42].

Кроме того, проводились и другие научные исследования, посвященные жизни корейцев в Советской России, в частности состоянию и развитию сферы культуры, искусства корейцев на Дальнем Востоке, анализу корейского общества, национальной системы образования, а также исследованию нормативно-правового законодательства, регламентирующего жизнь корейцев в Приморском крае [9; 10; 31; 37; 40; 41].

В последнее время профессор Чон Мак Рэ (Университет Кемён) провел

исследование, направленное на реконструкцию повседневной жизни корейцев того времени, с особым акцентом на корейских детях, женщинах и религиозной деятельности на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах, опираясь в данном случае и на материалы газеты «Сонбон» [21; 22; 23; 24].

В 2012 г. профессор Лим Чэ-Ван (Государственный университет Чоннам) и его коллеги опубликовали книгу под названием «Право, жизнь и образование корейцев в Приморской провинции». В итоге изучения ресурсов знаний современной корейской диаспоры, базы данных были обобщены основные нормативно-правовые акты, правила, регламентирующие проживание корейцев и образовательные кодексы применительно к корейцам на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах, а также рассмотрены социальные аспекты жизни советских корейцев. В научном труде представлены первоначальные данные, охватывающие политику, экономику, общество и культуру корейцев того времени [35].

По вопросам истории миграции, положения сахалинских корейцев состоялись разнообразные исследования начиная с 1960-х годов и по мере появления в СМИ информации о движении, связанном с возвращением корейцев, остававшихся на Сахалине. Основное внимание в исследованиях уделялось вопросу о принудительном труде в период Японской империи [7].

В теме корейской иммиграции на Сахалин в 1920–1930-х годах следует отметить научный труд Ли Джэ-Хёка. Он проанализировал различные данные и статистику, опубликованную в Корее, России и Японии, а также, посетив Сахалин, провел полевые исследования. В его работе представлена ценная статистика о корейском населении в обстоятельствах Северного и Южного Сахалина 1920–1930-е годов. Автор опирался как на устные интервью, так и на архивные материалы японского генерал-губернаторства во время японской оккупации, отчеты японских военных и информацию, полученную из России. Он подошел к проблеме корейцев на Сахалине как с географической, так и социо-демографической точек зрения. Используя исторические характеристики, метод временных рядов для анализа процесса формирования корейской иммиграции, он предпринял попытку исследовать характеристики и формы миграции [38; 39].

Научно-исследовательский институт международных отношений (Университет Донгук) в течение пяти лет занимался разработкой зарубежного корееведения в России (2011–2015 гг.). В итоге учеными была опубликована книга, значение которой трудно переоценить, поскольку она определяет пути развития корейской общины в России. Одновременно предпринималась попытка разъяснить исторический процесс разделения и расселения народов, а также конкретно путем анализа развития связей между российскими корейцами, государствами Центральной Азии и корейцами Республики Корея к

современной идентичности [13].

Этим отличаются упоминавшиеся ученые Бан Бён-юль, Хонг Унг-Хо, Юн Сан-Вон и другие, которые занимались изучением национальной политики применительно к корейской общине в Советском Союзе, в частности корейцев в хронологических рамках с 1910-х до 1930-х годов, предшествующих принудительной миграции. Российский ученый В.С. Бойко (Алтайский университет. г. Барнаул) провел исследование миграции корейцев в Западной Сибири в изучаемый период [13].

В 2018 г. в Государственном университете Чонбук был создан исследовательский центр «Корё Сарам» – специализированный исторический исследовательский институт (Чон-Чжу, профессор Юн Сан Вон, ранее имевший тесные связи с Советским Союзом). 29 сентября 2018 г. состоялась международная научная конференция под названием «Идентификация народа Корё-Сарам», в которой приняли участие 13 ученых из России и государств Центральной Азии, а также редакторы и официальные представители прессы, ученые из Китая, Японии и Кореи, которых объединяют общие усилия в исследовании корейской общности за рубежом [67].

Институт российских исследований (при Университете Ханлим) занимается изучением России, особенно субъектов Дальнего Востока и Сибири. Ежегодно проводятся международные научные конференции с участием ученых из России, Казахстана и государств Средней Азии. 21 августа 2020 г. состоялась научная конференция на тему «Солидарность во имя безопасности и процветания корейской диаспоры в Евразии». В ходе конференции профессор Юн Сан Вон (университет Чон-Чжу) представил свой доклад о культуре и жизни корейцев в Приморской провинции в 1920–1930-х годах. Основой его выступления послужили материалы, опубликованные в Приморском крае и хранящиеся в Российской государственной библиотеке изданий [66], а также опубликованные в 2017 г. материалы МИД России «Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения (1821–1918)» (М., 2017).

Проблема китайской миграции на Дальний Восток в трудах ученых Китая

В конкретном случае необходимо обратить внимание и на положение других народов, охваченных миграцией и связанных с Дальним Востоком, например групп китайцев (как этнического меньшинства), мигрировавших на территорию России, что было важной составляющей российско-китайских отношений, представляя собой особую область контактов между двумя государствами. Исследование темы проводилось как китайскими, так и российскими учеными на протяжении длительного времени. В КНР исторические исследования традиционно

повергались сильной политизации. Их интерес связан с миграцией китайцев на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в., с занятостью китайской рабочей силы, деятельностью в социально-экономической сфере и социалистическом строительстве.

Историография китайской иммиграции на Дальний Восток относительно широко изучена Ольгой Залесской [68]. Китайские ученые же сосредоточились на различных аспектах миграции китайцев в Россию. В научных исследованиях, опубликованных в 1980–1990-х годах, внимание акцентировалось главным образом на изучении вопросов о роли китайских рабочих, вступивших в Красную Армию и партизанские отряды в революционный период, их последующем влиянии, которое было подчинено улучшению социально-экономического положения китайских иммигрантов в конце XIX – начале XX в., а также о деятельности рабочих союзов, в частности профсоюзов китайцев [29].

С 2000-х годов исследования изучаемой проблемы заметно расширились, включая участие китайцев в российском революционном движении. В публикациях этого периода была определена и модель экономической деятельности, обращалось внимание на количественный состав китайских иммигрантов [46]. Однако большинство исследований до сих пор фокусируются главным образом на периоде до Октябрьской революции [50; 51; 52]. В настоящее время отсутствует должное освещение темы миграции как в российской, так и в китайской историографии, несмотря на масштабное исследование некоторых аспектов жизни этнических меньшинств на Дальнем Востоке, включая китайскую общность (диаспору), в 1920–1930-е годы. Исследования китайских ученых, посвященные китайцам-иммигрантам 1920–1930-х годов, заключаются в следующем.

В 2003 г. была опубликована магистерская диссертация Бу Цзюньчжэ (Северо-восточный педагогический университет). Автор раскрыл роль китайцев в СССР в обстановке, возникшей после Октябрьской революции 1917 г., и в первую очередь показал усиление их влияния на экономику, разработку новых социальных технологий, возрождение культуры [44].

В 2007 г. была защищена докторская диссертация Чжао Цзюаня (Цзилинский университет), посвященная изучению зарубежных китайцев-мигрантов в России. Чжао Цзюань анализирует особенности развития китайской общности на территории России, а также рассматривает связь с теорией «желтой опасности» и существовавшей теорией «демографической угрозы». В диссертации также содержатся обобщающие выводы о роли китайских мигрантов в России и Китае, основанные на исторических отчетах о китайцах-мигрантах в России.

Во второй главе диссертационной работы подробно раскрыто участие китайских рабочих в Гражданской войне в России, последовавшей после революции, а также их активность и влияние на китайско-советские отношения и разви-

тие китайской революции в 1920-х и 1930-х годах. Привлекает в работе детальное изображение положения иностранных студентов и рабочих [63].

Лю Тао и Пак Гун-чулом была опубликована научная статья, посвященная миграции китайских иммигрантов в Россию в период с 1860 по 1941 г. В пятой главе исследования авторами проведено исследование общества китайских иммигрантов на Дальнем Востоке в советское время [54]. В 2014 г. в Хэйлунцзянском университете была опубликована магистерская диссертация, посвященная этапам развития истории китайских иммигрантов на Дальнем Востоке [47].

Исследованиями истории национальных меньшинств, национальной политики на Дальнем Востоке занимались и другие китайские ученые, Чусян представил научный труд о национальной политике на Дальнем Востоке в целом и конкретно о северных меньшинствах региона [64], а Лю Сяочунь занимался изучением коренных и приграничных народов на территории Китая, соседнего с Дальним Востоком России [53], придавая тем самым особое значение пограничному, то есть периферийному фактору в истории и судьбах этнических меньшинств.

В последние время в Хэйлунцзянской академии общественных наук была опубликована магистерская диссертация, посвященная этническим меньшинствам на Дальнем Востоке и политике в отношении меньшинств в Советском Союзе. Автор анализирует национальную политику Союза ССР с 1917 по 1953 г., исследует предпосылки советской национальной политики в условиях осуществления курса индустриализации Дальнего Востока, коллективизации сельского хозяйства, изменявших прежний образ жизни, налаживания производства. Параллельно авторы исследовали факторы влияния и на состояние сферы экономики, ее развитие [43].

В исследованиях ученых о китайских иммигрантах на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы недостает следующих аспектов: более подробного анализа роли китайских иммигрантов в Гражданской войне, последовавшей за революцией 1917 года, что включает прежде всего этническую мобильность, активность китайцев, участие в вооруженных отрядах, фактор влияния на китайско-советские отношения. Важно изучить условия пребывания иностранных студентов и рабочих на Дальнем Востоке, их социальную и экономическую адаптацию, а также их вклад в различные сферы общественной жизни.

Анализ взаимодействия и влияния китайских иммигрантов на процессы социальных и культурных изменений на Дальнем Востоке показывает необходимость усиления внимания на адаптацию китайской культуры, формирование китайских общин, влияние на местное население и обмен культурными ценностями, необходимость более глубокого исследования демографического состава китайских иммигрантов на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы. Изучение этого

блока вопросов поможет понять разнообразие этнических групп и их взаимоотношения на территории. Учитывая эти недостатки, в дальнейшем исследователи должны стремиться заполнить пробелы в знаниях о китайских иммигрантах на советском Дальнем Востоке в указанный период.

Ученые Японии о проблеме миграции этнических меньшинств на Дальний Восток

Японские ученые также проявляли устойчивый интерес к этническим меньшинствам на Дальнем Востоке России, в том числе непосредственно к японцам. Японские иммигранты жили в Сибири до 1930-х годов, но деятельность японцев на советском Дальнем Востоке прекратилась в 1922 г., когда Японская армия покинула эту территорию, и в то же время это не могло не пошатнуть основы японской общности в целом [59].

Исследования японских ученых на российском Дальнем Востоке в основном сосредоточены на анализе промышленных вопросов, включая рыболовство, русско-японскую войну 1904–1905 гг., интервенцию в Сибири и Приморском крае, а также вопросы размещения японских военных до и после Второй мировой войны. Поэтому, как и в истории России, интерес Японии к Дальнему Востоку в 1920–1930-е годы не отличается широтой охвата темы.

С конца XIX и до начала XX в. Дальний Восток привлекал внимание японского правительства и социальных институтов сферы торговли, особенно рыбной промышленности. В 1906 г. была создана полугосударственная и частная специальная японская компания ООО APOS – Южно-Маньчжурская железная дорога, функционирующая в северо-восточном регионе Китая, которая проводила подробные исследования советского Дальнего Востока сразу после русско-японской войны. Были изданы путеводители, содержащие местную информацию о Дальнем Востоке, основанные на отчете Генерального консульства Японии, где содержится информация о японских, китайских и корейских иммигрантах.

В 1935 г. Комитетом экономических исследований Южно-Маньчжурской железной дороги была опубликована книга «Этнические районы советского Дальнего Востока (『ソ聯極東地方人種誌』)», где представлены ценные общие сведения о народах советского Дальнего Востока. Книга состоит из 12 глав и знакомит читателя с современной обстановкой в регионе, с отношениями, сформировавшимися в то время между населявшими Дальний Восток народами [65].

В 1940 г. Научно-исследовательский отдел Южно-Маньчжурской железной дороги также выпустил в свет книгу «Этническая ситуация на советском Дальнем Востоке (『ソ聯極東諸民族事情』)», в которой опубликованы общие све-

дения о русских, корейцах, китайцах, а также меньшинствах, проживающих на Дальнем Востоке [57]. К сожалению, в ней отсутствует детализация количественных характеристик применительно к субъектам регионов.

В 1942 г. Ириэ Тодаджи представил книгу «История развития зарубежных стран», во втором томе которой в краткой форме он повествует о японцах, эмигрировавших в Россию [36].

В 1980 г. с этой целью, обратившись к данным консулов, чиновников и миссионеров, переехавших во Владивосток, Кюдзо Като провел по этим материалам собственное исследование и подготовил обобщающую публикацию [49].

Тереюки Хара, занимаясь изучением видов деятельности японской общности, провел исследование о деятельности японской общности в России с привлечением и документов МИД Японии. Он рассмотрел процесс расселения не только японцев, но и китайцев, и корейцев в Приамурье и Камчатке [60; 61; 62].

Однако в исследованиях названных японских ученых не были полностью использованы российские данные, а хронологические рамки ограничивались 1920-ми годами.

Проблемой истории корейской миграции на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы занимается Нацуко Ока. В 1998 г. она рассматривала вопросы непростой жизни корейских эмигрантов на Дальнем Востоке России в 1920-е годы: земельные и национальные проблемы, коллективизацию сельского хозяйства, дискриминацию корейцев в ходе ее, реакцию властей. Затрагивалась ею и проблема дискриминационной миграционной политики на севере с конца 1920-х по 1930-е годы [56].

Группа ученых занимались разработкой темы организации промышленного производства на территории советского Дальнего Востока, взаимоотношений с Японией. В 1993 г. Масаки Ширатори исследовал деятельность Банка Японии на Дальнем Востоке в период с 1880 по 1931 год.

В центре внимания оставалась и проблема японской оккупации Дальнего Востока России в области рыболовства, добычи полезных ископаемых, разработок лесной и нефтяной промышленности, которыми занимались историки Акира Судзуки, Ясуо Мистума и Тасаки Мураками [58]. Однако названные ученые не включали анализ участия японских иммигрантов в перечисленных отраслях промышленности.

В 2016 г. ученый Каминага провел исследование группы японских рыбаков, приехавших на Дальний Восток СССР в 1920–1930-х годах. Автор отметил, что более 4 тыс. рабочих из Японии прибыли для работы на Дальний Восток, когда Советский Союз в 1928 г. разворачивал рыбное производство на промышленной основе, при этом совместно с Японией [11].

Ученые Казахстана, других стран СНГ Центральноазиатского региона,

рассматривая различные аспекты истории государств, проявляют повышенный интерес к проблеме принудительной миграции и реабилитации репрессированных этнических общностей в собственных государствах. Особенно обстоятельно изучалась история советских немцев, а также других групп, в том числе и принудительно переселенных корейцев [45].

Исследования миграции этнических меньшинств на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах проводились в центральноазиатских странах в рамках изучения предыстории принудительной миграции. Однако следует отметить, что были проведены общие историко-научные анализы, но специальные или активные исследования по данной теме не проводились.

«История корейцев в Казахстане», представленная Г.В. Кан, основана на собственных исторических записках. Глава 1 посвящена жизни корейцев, которые проживали до переселения основного корейского контингента с территории Дальнего Востока. Тем не менее это позволило рассмотреть раннюю миграцию корейцев на Дальний Восток до переселения в Казахстан именно в 1928 г. [48]. Она была связана в первую очередь с хозяйственной деятельностью, прежде всего с освоением новых регионов по выращиванию зерновой культуры – риса на территории Дальнего Востока, а также в Казахстане в 1920-х годах.

Выводы. Исследование миграционной истории этнических меньшинств на Дальнем Востоке России достигло заметных результатов в международных академических кругах. Однако большинство названных научных исследований по этой проблеме до сих пор посвящались исключительно ранней миграции, то есть до революции, и вынужденной миграции после 1937 г.

Кроме того, возникали ситуации, когда различные точки зрения, оценки и выводы принципиально смешиваются, поскольку не проводятся сравнительные исследования с другими этническими группами того же периода. Ощущается необходимость в комплексных и систематических исследованиях с критическим анализом и обобщением миграционной истории малочисленных народов Дальнего Востока на основе направлений национальной политики и с учетом внутренней национальной политики Советского Союза, а также фактора международных отношений с государствами Юго-Восточной Азии.

Что касается самой темы миграции этнических меньшинств до 1937 г., то, по нашему мнению, было бы целесообразным применительно к территории Дальневосточного региона обратить внимание на сущность исторического процесса, особенно фактора разделения и расселения этнических общностей, образа их жизни, культуры в условиях, в которых оказались этнические меньшинства, трансформировавшиеся в социум Дальневосточного региона в рамках взаимоотношений с другими народами, выступавшими основой национальной политики суверенного советского государства.

Одним словом, при рассмотрении изучаемой проблемы необходимо учитывать, что, наряду с внутренними событиями, прямое отношение к раскрытию темы имеют в рассматриваемый период и складывавшиеся международные отношения с задействованными в этом процессе государствами. Об том свидетельствует и содержание настоящей статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- a. Bae Eun Kyung. Study about a policy, fostering Russian Korean teachers, and Far-east Korean Education Institute in 1920's and 1930's (based on Sunbong, the Russian korean newspaper) // The Journal of Slavic Studies. 2015. № 30(3). Pp. 81–123.
2. Bae Eun Kyung. Study on the State of Education in Korean Immigrant Community in the Littoral Province of Siberia and Nikolsk-Ussurysk Korean Education College in 1920's and 1930's – based on Sunbong, the Korean newspaper // Journal of Studies on Korean National Movement. 2015. № 84. Pp. 129–174.
3. Bae Eun Kyung. The Activities of The Russian-Korean Theater of the Far East, and Social Status, and Roles in the Russian-Korean Society through the Russian-Korean Newspaper SunBong // Studies of Koreans Abroad. 2015. № 35. Pp. 229–261.
4. Ban Byung Yool. Problems Facing Local Korean Communities in the Suchan region of the Russian Maritime Province during the period of the Full-scale Collectivization // Journal of history and culture. 2008. № 30. Pp.153–232.
5. Ban Byung Yool. «The Seonbong (Avant-garde)», a Korean Newspaper and Korean Communities in Russia // Journal of history and culture. 2003. № 19. Pp. 69–92.
6. Ban Byung Yool. Changes in the Identities of Korean Communities in Russia: Focusing on Pre-1937 Period in the Russian Far East // The Journal of Korean History. 2008. № 140. Pp. 99–124.
7. Bang Il-Kwon. A Review of Research on Sakhalin Koreans Published in South Korea and Russia // Dongbuga Yeoksa Nonchong. 2012. № 38. Pp. 365–413.
8. Belokon Olga. Becoming «Red Children»: the literacy movement among Soviet Koreans in the Russian Far East, 1922–1937.
9. Choi Hi Jin. The Korean Society in Maritime Province viewed through the advertisement in [Sunbong]: 1930's // Studies of Koreans Abroad. 2016. № 39. Pp. 89–116.
10. Chung Ho Kyung, The Representation of Enlightenment and Social Notion of Korean Community in Maritime Province in Russia: Focusing on Illustrations in Korean Newspaper Seonbong During the 1920s–1930s // Slavic studies. 2016. № 32. Pp. 53–83.

11. Eisuke Kaminaga. Looking for Better Jobs in the USSR: Japanese Seasonal Migrant Workers Employed by Soviet Far East Fishery Companies in the First Five-Year Plan (1928–1932) // Niigata University of International and Information Studies. 2016. № 1. Pp. 89–102.
12. Forthis James. A History of the peoples of Siberia: Russia's Borth Asian Colony 1581–1990. – Cambridge University Press, 1994.
13. Hong Ung-ho. Study of the Korean Diaspora in Russia. – Seoul: Sonin, 2019.
14. Hong Ung-ho. Modern experiences of Koreans in the Russian Primorsky Territory: Land distribution and collectivization of Koreans in the 1920s and 1930s // The Journal of Slavic Studies. 2021. № 36(4). Pp. 385–417.
15. Hyun Kyoo-Whan. A History of Korean Wanderers and Emigrants. – Eomungak, 1967.
16. John J. Stephan. The Korean Minority in the Soviet Union // MIZAN (Central Asian Review). 1970. № 13(3). Pp 138–147.
17. John J. Stephan. The Russian Far East: A History. – Stanford University Press, 1994.
18. James Harris. The Anatomy of Terror: Political Violence under Stalin. – Oxford University Press, 2013.
19. Jeon Sin Wook. A Study on Remigration Factors and Resettlement of Central Asian Koreans (Russko-Koreets) to Maritime Region (Primorsky Kray) // Korean policy sciences review. 2007. № 11(3). Pp. 77–107.
20. Jon K Chang. Burnt by the Sun. – University of Hawaii Press, 2016. 286 pp.
21. Jung Maklae, Im Young Sang. The Anti-Religion Movement of the Soviet Korean Village Sinhanchon in the Russian Far East in 1920–30s – With a Focus on the Newspaper Seonbong // The Journal of Foreign Studies. 2016. № 35. Pp. 231–256.
22. Jung Maklae. A Study on the Food, Clothing, and Shelter of the Soviet Koreans in the Russian Far East in the 1920s - With a Focus on the Children's Story "Thought Up" in the Newspaper Seonbong // Studies of Korean Abroad. 2016. № 39. Pp. 27–53.
23. Jung Maklae. A Study on Educational Facilities of Preschool Children in the Russian Far East in the 1920s – with a Focus on the Newspaper Seonbong // Journal of history and culture. 2016. № 57. Pp. 119 –147.
24. Jung Maklae, Joo Dong Wan, A Study on Soviet Korean Women Council in the 1920s Far East Area – Based on the Newspaper Seonbong // Studies of Korean Abroad. 2019. № 48. Pp. 35-58.
25. Kho Songmoo. Koreans in the Soviet Central Asia // Helsinki. 1987. № 61.
26. Kolarz W. The people of the Soviet Far East. – N.Y.: Fredrick A. Praeger, 1954.

27. Koreans in the Soviet Union / Ed.: Dae-Sook Suh. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1987.
28. Lee Chai Mun. Diaspora in the Frozen Land: A Sociological Study on the Russian Far East and Koreans. – Kyungpook National University Press, 2007. 473 p.
29. Lin Jun. The All-Russian Overseas Chinese Organization—Study on the Federation of Chinese Workers in Russia // Northern Journals. 1994/ 林军, 全俄华侨组织——旅俄华工联合会研究. 北方论丛. 1994.
30. Mark Camsa. View all authors and affiliations. 2021. № 57(1).
31. Park Chansoo. A Study on the Publication Culture of the Korean Community in Soviet Union – Focusing on the Newspaper Seonbong. Published by Kory-Saram // Global Cultural Contents. 2015. № 21. Pp. 91–209.
32. Park Chong hyo. The Historical Background and Actuality of Deportation of the Koreans in Far East Area by Ex-Soviet Union // Military history. 2007. № 64. Pp. 1–36.
33. Ross King. Blagoslovennoe: Korean Village on the Amur, 1871–1937 // The review of Korean Studies. 2001. № 4-2. Pp.133–176.
34. Sim Heon-yong, The Crisis of Soviet State power and the Deportation of the Koreans in 1930's // Military history. 2007. № 64. Pp. 61–102
35. The laws, life and education of Koreans in the primorsky province (in the 1920s – and 1930s). – Bookkorea, 2012.
36. Toraji Irie. History of overseas development of the Japanese. – Kaigai Hōjin Shiryōkai, 1936.
37. Yang Mina. A Study on Koreans' Performing Arts Activities in a Maritime Province in the 1920-30s // Studies of Koreans Abroad. 2014. № 34. Pp. 297–322.
38. Yi Jaehyuk. Korean Immigrants in Sakhalin during the Japanese Colonial Period // Korean journal of Siberian studies. 2011. № 15(1). Pp. 85–135.
39. Yi Jaehyuk. The formation and development of Korean immigrants in Sakhalin, Russia [D.Prof.]. – Kyunghee University, 2010.
40. Yi Jongwon. The Characteristics of the Koreans' National Education in Maritime Provinces of Russia at 1920s-1930 // The Journal of Education Research. 2017. № 38 (1).
41. Yi Jongwon. The Movement of Korean eradication of illiteracy in Maritime Provinces of Russia at 1920s-1930s // The Journal of Education Research. 2020. № 41(1). Pp. 1–29.
42. Yun Sang-Won, Recognition of Koreans in Russia about National Liberation Movements in 1920–30's – Focusing on March 1st Movement // The Journal for the studies of Korean History. 2015. № 61. Pp. 555–583.

43. Бао Ю. 包宇. 1917-1953年苏联民族政策对远东少数民族发展影响研究 [Исследование влияния советской этнической политики на развитие дальневосточных меньшинств с 1917 по 1953 год]. – Хэйлунцзянская академия общественных наук, 2019.
44. Бу Цзюньчжэ. 卜君哲. 近代俄罗斯西伯利亚及远东地区华侨华人社会研究 1860-1931年. [Изучение китайского этноса и китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке и в Сибири в новое время) (1860–1931)]: Дис. ... магистра ист. наук. – Чанчунь, 2003.
45. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). – М.: МСНК-пресс, 2006. 464 с.; он же: Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). – М.: Гриф и К, 2012. С. 408.
46. Ван Хаоцай. 王豪才. «评近代中苏关系史述论». [Исторический очерк советско-китайских отношений в новое время] // Журнал Хунанского городского колледжа. 2003. № 2.
47. Донг Вентинг, Исследование китайской иммиграции на Дальний Восток России после XXI века. – Хэйлунцзянский университет, 2014.
48. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. 207 с.
49. Като кюдзо, Сибэрия ки = Записи о Сибири. – Токио: Усно сюппанся, 1980. 206 с.
50. Ли Сяньрон. 李显荣. 旅俄华工与十月革命. [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция] // Преподавание истории. 1979. № 11.
51. Ли Ючжэнь. 李玉贞. 十月革命前后的旅俄华人组织及其活动. 吉林大学社会科学学报. [Организации и деятельность китайцев в России до и после Октябрьской революции] // Журнал общественных наук Цзилинского университета. 1981. № 5.
52. Ло Сяохуэй, Иан Хуаньчжоу. 骆晓会, 燕环球. 论旅俄华工与十月革命. 株洲工学院学报. [Рабочие из Китая в России и Октябрьская революция] // Журнал Чжучжоуского института технологии. 2002. № 3.
53. Лю Сяочунь. 刘晓春. 俄罗斯远东土著民族与跨界民族研究.

Информация об авторе: Чжин Сил, аспирантка 3-го года обучения Центра «Историческая наука России» Института Российской истории Российской академии наук.

г. Москва, Россия. Ул. Дм. Ульянова, д. 19, 117 292.

г. Москва, Россия / г. Чон-Чжу, Южная Корея

Email: Jinsilci@naver.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант статьи:

Information about the author: Zhin Sil, 3rd year postgraduate student of the Center for Historical Science of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. st. Dm. Ulyanova, 19, 117 292.

Russia Moscow/ Jeongju City, South Korea

Email: Jinsilci@naver.com

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 30.04.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Чжин Сил. 2023

© «ИСОМ». 2023

Редакторская статья
Editorial article

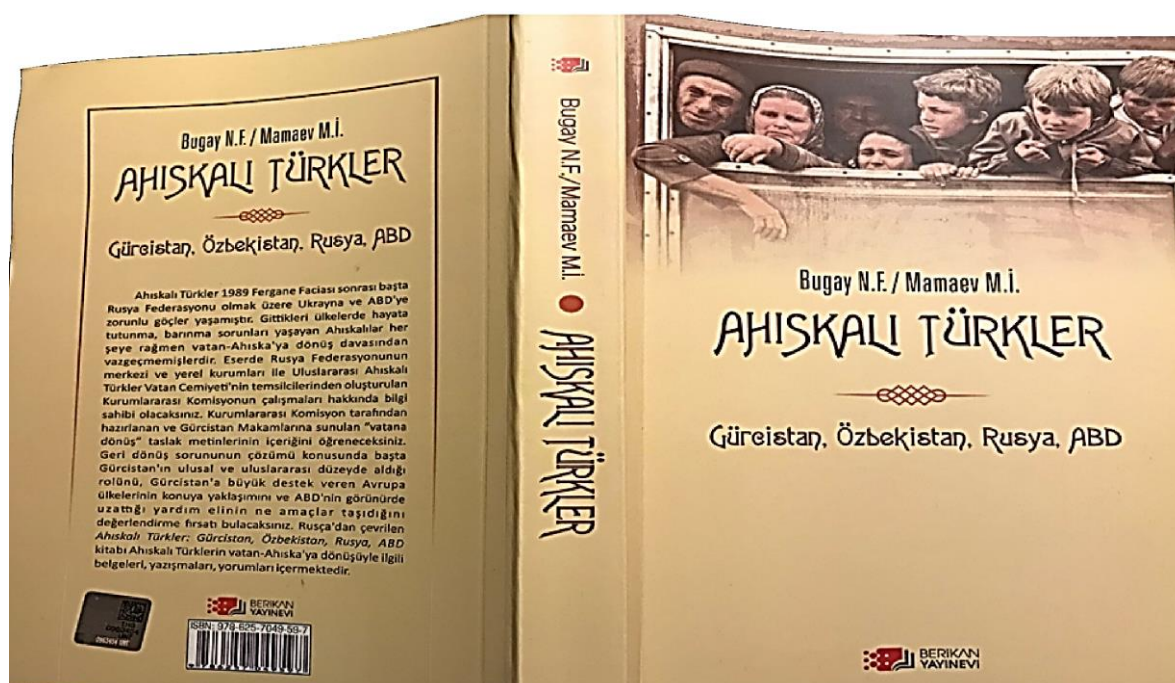
Наша библиотека, новые публикации и переводы

Опубликована книга российских ученых – главного научного сотрудника Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН, доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Бугая и доктора исторических наук М.И. Мамаева – «Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США». М., 2009. 446 с.

На ранее опубликованных материалах, новых, выявленных в архивах документах раскрывается процесс принудительного переселения и реабилитации подвергшихся в 1940-х годах репрессиям турок из Месхетии. Показаны трудности, с которыми им пришлось столкнуться в ходе долгого возвращения на исконную Родину – Республику Грузия, проявление интереса к проблемам этнического меньшинства со стороны международной общественности, определены возможности альтернативного решения проблемы в целом.

Перевод выполнил доктор исторических наук, профессор Исламского университета Гиресун Расим Байрактар.

Турецкое издательство BERIKAN YAYINEVI выпустило в свет книгу авторов Bugay N.F., Mamaev M.I. на турецком языке под названием «AHISKALI TÜRKLER TURKLER Güreistan, Ozbekiistan, Rusya, ABD». Ankara, 2022. 400 с. Тираж 1200 экз.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикующиеся в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное пособие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа прини-

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the

мается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае

analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is

доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ **для авторов журнала** **«Историческая и социально-образовательная мысль»**

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademos07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID id**, (если нет ORCID id, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction(Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods(Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis(Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results(Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках..)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);

- Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованные аппаратура и инвентарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение.** В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al."

Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancoover- стиль).

Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «—», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ).
DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Историческая и социально-образовательная мысль
2023 Том 15 № 3 (май – июнь)

Дата выхода в свет 29.06.2023 г.
119 стр.